

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики

2024

№ 1 (23)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова, А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova, A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Bezrukov** (Birk branch of the Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. G. Yevseeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology **A. V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Prof. **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS); Candidate of Philology, Associate Prof. **V. I. Mozgovoi** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Yu. Sidorova** (Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State Pedagogical University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Издание зарегистрировано Министерством информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ААА № 000148 от 20.06.2017 г.).

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк.

Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru.

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета.

Протокол № 6 от 31.05.2024 г.

© Донецкий государственный университет, 2024

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 1 (23)
2024

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

- Акопян Л. В.** Морбиальная метафора в русскоязычном масс-медийном дискурсе Армении 4
Бондаренко И.С. Кросс-культурный анализ иранских заимствований 9
Шмыгарева Д. А. Топонимическая система посёлка Первомайский Оренбургской области 14

Дискурсология и генристика

- Попова О. А.** Коммуникативные стратегии в рекламе вузов 20
Селезнева Д. А. Оценочный компонент значения фразеологических неологизмов в рекламных текстах 27
Коротченко М. И. Идиолект респондента Ветковского района Гомельской области 33

Словообразование и грамматика

- Лашко А. А.** Система значений аббрекконструкта бух- и адъектива бухгалтерский 39
Хлыстова Е. С. Ботанические номинации с фразеологичной семантикой в современном русском языке 45

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Хоршева Е. А.** Лексика казачьего быта в произведениях Ф. Крюкова и В. Макеева 51
Лаврикова Е. В. Функционирование греческих мифологизмов-фразеологизмов в художественной литературе XIX в. 57
Логвинова И. В. Повести М. П. Погодина с точки зрения принципа историзма 62
Правила оформления материалов 68

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 1 (23)
2024

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

- Akopyan L. V.** Morbial metaphor in the russian-language mass media discourse of Armenia 4
Bondarenko I. S. Cross-cultural analysis of iranian borrowings 9
Shmygareva D. A. Toponymic system of the village of Pervomaysky Orenburg region 14

Discourse and Genristics

- Popova O. A.** Communication strategies in university advertising 20
Selezneva D. A. The evaluative component of the meaning of phraseological neologisms in advertising texts 27
Korotchenko M. I. The idiolect of the respondent of the Vetkovsky district Gomel region 33

Derivation and Grammar

- Lashko A. A.** The system of values of the abbroconstruct of the bookkeeping and adjectival accounting 39
Khlystova E. S. Botanical nominations with phraseological semantics in modern russian 45

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Khorsheva E. A.** The vocabulary of cossack everyday life in the works by F. Kryukov and V. Makeev 51
Lavrikova E. V. The functioning of greek mythologisms-idioms in the fiction of the xix th century 57
Logvinova I. V. The m. P. Pogodin's novells from the principle of historicism point of view 62
Rues for the design of materials 68

Лексикология и стилистика

УДК 81'33

Л. В. Акопян © 2024

Фонд «Государственный университет им. В. Брюсова», г. Ереван, Армения
Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, КНР

МОРБИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЯЗЫЧНОМ МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ АРМЕНИИ

В статье экстремизм рассматривается как гиперконцепт, который вобрал в себя концепты «экстремизм», «терроризм», «радикализм», «геноцид». В связи с особенностями метафоры как ментального феномена нами были выявлены и описаны метафоры, участвующие в вербализации гиперконцепта «экстремизм» в русскоязычном масс-медийном дискурсе Армении. В исследовании проанализированы вербальные реализации концептов, которые составили около 3000 словоупотреблений, отобранных методом сплошной выборки из двух качественных русскоязычных интернет-изданий Армении «Новости Армении» и «Голос Армении» за период с 2010–2022 гг. Анализ различных метафорических моделей в собранном материале показал, что морбильные метафоры являются одними из наиболее часто применяемых наряду с военной и фитоморфной метафорой.

Ключевые слова: дискурс масс-медиа, гиперконцепт, экстремизм, морбильная метафора.

С помощью СМИ сознательно создается и интерпретируется определенный концепт, в читательском сознании вырабатываются различные стереотипы, на основе которых формируется положительное или отрицательное восприятие данного концепта.

Как свидетельствуют многочисленные исследования масс-медийного дискурса Д. Лакоффа, Т. ван Дейка, Р. Водак, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, П. Серию, Ж. Дерриды и др., метафоры часто применяются в дискурсе масс-медиа для образных описаний и служат вербализаторами какого-либо концепта. В дискурсе масс-медиа свою значительную и неоспоримую роль играют концептуальные метафоры, вследствие прочтения которых у адресата может возникнуть заданное негативное, нейтральное или положительное отношение к данному феномену. Метафора в масс-медийном дискурсе помогает обыденному читателю глубже познать и оценить явление, которое представлено ему в данном источнике.

В лингвистике уделяется большое внимание метафоричности языка в целом, метафоре как средству реализации властных отношений и политических интересов, технике политического манипулирования, анализу функций метафоры в политических понятиях и терминах, в советском политическом дискурсе, традициям политической коммуникации элиты и общества, жанрам политических выступлений и текстов и многим другим аспектам политического языка [3, с. 41].

Наибольшее развитие в последнее десятилетие получили метафорические модели (и их отдельные фреймы, слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, криминал, спорт и др.), отклонения от естественного порядка вещей (болезнь, криминал, сексуальные извращения и др.). Показательно, что подобные же прагматические смыслы оказались наиболее востребованными и у других моделей; это, в частности, характерно для современной зооморфной метафоры, а также для традиционно «неагрессивных» метафор дома и мира растений [6, с. 170]. Как указывают А. П. Чудинов и Э. В. Будаев, метафора — это феномен мышления, играющий важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности. Согласно их исследованиям, в течение последних нескольких лет западные СМИ целенаправленно демонизируют образ России, что закономерно привлекает внимание исследователей к языковым средствам реализации данных тенденций, таких как метафора [7, с. 22].

Т. И. Галеева, С. Х. Кахиахмедова, С. Н. Богатырева в работе «Морбиальная метафора как способ осмысления концепта «терроризм» в политическом дискурсе» подчеркивают, что морбиальная (медицинская) метафора представляется одним из значимых способов категоризации, концептуализации и оценки действительности в современных политических текстах. Как отмечают авторы, *Morbus* с латинского переводится как ‘болезнь’. «Болезнь — это нарушение нормальной жизнедеятельности организма, возникающее под действием вредных для него факторов. Болезнь может быть обусловлена также пороками развития или генетическими дефектами» (Медицинская энциклопедия). Согласно любой медицинской энциклопедии или иному источнику, так или иначе имеющему отношение к медицине, мы знаем, что в болезни существует определенный раздражитель, который, с одной стороны, повреждает здоровую систему, а с другой, — вырабатывает защитные функции организма. В связи с этим, болезни свойственно существование двух взаимосвязанных категориальных процессов — повреждение и защита [2, с. 95].

Морбиальная метафора является границей социальной реальности, одновременно как скрывающей, так и раскрывающей «реальный языковой мир», который в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения». Таким образом, модель морбиальной метафоры обнаруживается как когнитивный коррелят той политической ситуации, наблюдателем которой он является [2, с. 96].

А. П. Чудинов в работе «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)» предлагает следующую классификацию политических метафор, в основе которой лежат субсферы «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакты»: *физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафора родства, сексуальная метафора, криминальная метафора, милитарная метафора, театральная метафора, спортивная и игровая метафоры, зооморфная метафора, фитоморфная метафора, метафора дома, метафора механизма* [6, с. 3–5]. Отметим, что наш анализ построен на классификации метафор А. П. Чудинова. В данной классификации упомянуты самые часто встречаемые концептуальные метафоры, применяемые в публицистических текстах.

В связи с особенностями метафоры как ментального феномена нами были выявлены и изучены метафоры, участвующие в вербализации гиперконцепта «экстремизм» в русскоязычном масс-медийном дискурсе Армении. В данной работе мы обращаемся к морбиальной метафоре. Пример реализации морбиальной метафорической модели находим среди собранного нами материала. Далее обратимся к анализу яркого примера:

«На глазах всего мира, возле российской границы зреет очередной опасный нарыв» (05/10/2020, <http://nv.am/azerbajdzhanskij-islamskij-halifat/>)

Автор при помощи оборота *опасный нарыв* описывает смысловой компонент «орудие совершения деяния»: *нарыв* — «гнойное воспаление какой-либо ткани организма» [5, II, с. 391]. Используя метафорическое словосочетание *зреет очередной опасный нарыв*, автор намеренно реализует метафорическую модель ‘ЗДОРОВЬЕ — ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА’, сферой-источником в которой является здоровье человека, а сферой-мишенью — государственно-территориальное устройство страны. Такая метафорическая модель не только доступна для понимания обычному носителю русского языка, но и позволяет автору красочнее описать данное событие, сделать его интерпретацию доступной для понимания многими читателями. Профессор А. П. Чудинов в работе «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)» выделяет фрейм «Симптомы болезни» в рамках морбиальной метафоры, где отдельно отмечается и *нарыв*, как симптом болезни [6, с. 73]. Хотим обратить внимание на то, что в анализируемом примере лексема *нарыв* является центром, вокруг которого формируется

развёрнутый метафорический образ, и который актуализирует такие семы (минимальные компоненты содержания):

‘опасность’ ← *опасный нарыв*;

‘повторяемость’ ← *очередной нарыв*;

‘возникновение’ ← *зреет нарыв*. Здесь глагол *зреть*¹ реализует своё переносное значение, описанное так: «2. перен. Развиваясь, крепнуть; складываться» [5, I, с. 622]. Кроме этого, в примере описываются и дополнительные обстоятельства возникающей опасности, а именно указывается её локализация: *возле российской границы*, а также обстоятельства возникновения, формирования: *на глазах всего мира*.

Также в работе «Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект)» Л. Балашова среди наименований симптомов замечает, что внешних проявлений заболевания в советских СМИ метафоризации подвергается ядерный в подгруппе субстантив *боль* и однокоренные с ним лексемы: *болеть* ‘испытывать болезненное ощущение’ и т. п. Кроме того, в первичных значениях переносов может конкретизироваться тип симптома, внешнего проявления заболевания (ср.: *зудеть, язва, гной, нарыв*) [1, с. 12].

Рассмотрим еще один яркий пример.

«В послании сказано, что “Армения решительно осуждает терроризм в любых его проявлениях. Настало время бескомпромиссных коллективных действий мирового сообщества по искоренению этой чумы современности. Уверен, что будет сделано все возможное для выявления и привлечения к ответственности его организаторов”» (30/03/2010, <http://nv.am/nastalo-vremya-beskompromissnyh-dejstvij-protiv-terrorizma/>).

В данном фрагменте терроризм рассматривается как *чума*, которую нужно искоренить. Здесь же автором применена морбиальная (медицинская) метафора, которая помогает колоритно, эмотивно описать данное явление. Л. Балашова отмечает, что среди наименований физических заболеваний для формирования переносов советские и российские журналисты используют преимущественно номинации болезней, связанных с серьезной физической патологией (инвалидностью) человека, препятствующих объективному восприятию действительности и свободе движения (ср.: *слепой, слепота, слепец, глухой, хромать*); заболеваний, вызванных воздействием на организм ядовитых веществ (ср.: *отравить, отравиться*); тяжелых инфекционных болезней, часто принимавших в прошлые века характер эпидемии (ср.: *чума*); серьезных травм, заболеваний кожи, слизистых оболочек, обычно болезненных и/или внешне неприятных, опасных для окружающих (ср.: *рана, гнилой, гниlostный, проказа*) [1, с. 11]. Ученый А. П. Чудинов инфекционное заболевание *чума* относит к слоту «Физические болезни» фрейма «Диагноз» морбиальной метафоры [6, с. 72].

В нашем примере лексема *чума* — это ядро метафорического образа «чума современности». Это метафорическое словосочетание помогает автору публикации (журналисту) выразить своё отношение к проблеме терроризма как страшной угрозе современного мирового сообщества. *Чума* — «1. Острая заразная эпидемическая болезнь 2. Прост. Употребляется как бранное слово» [5, IV, с. 693].

Следует заметить, что это словосочетание находится в цитате из официальной телеграммы соболезнования президента Сержа Саргсяна, направленной президенту России Дмитрию Медведеву в связи со взрывами в московском метро. В данном фрагменте актуализируется семантическое значение «острая заразная эпидемическая болезнь». То, что автор включил эту цитату в текст статьи, во-первых, способствует тиражированию, распространению этого мнения, во-вторых, демонстрирует авторское согласие с такой оценкой данного опасного явления.

Рассмотрим еще один яркий пример.

«По словам Эрдогана, противники президентской формы правления являются

"врагами Турции". Президент Турции заявил, что "по-настоящему больной" является Европа. По его мнению, экономическое положение ЕС ухудшается с каждым днем. "Они заразились вирусом расизма. На этот раз их положение будет тяжелым", — сказал президент Турции.» (10/04/2017, <https://www.golosarmenii.am/article/52073/erdogan--ugrozhaya-evrope-napomnil-zhestokuyu-raspravu-kemalistskoj-turcii-s-xristianami-v-1920-x-godax>)

В данном фрагменте встречается топоним *Европа*, где автор отмечает, что президент Турции Рейджеп Эрдоган сравнивает Европу и европейцев с больным организмом, что также является примером морбиальной (медицинской) метафоры, которая ярко интерпретирует его негативное отношение к данной территории. Согласно классификации А. П. Чудинова данный пример относится к слоту «Пациенты» фрейма «Пациенты и медицинский персонал». В том же фрагменте применена еще одна морбиальная метафора *заразились вирусом расизма*, которая относится к слоту «Инфекции» фрейма «Причины и возбудители болезней». В данном случае президент Турции сравнивает европейцев с опасными для общества больными, зараженными вирусом расизма, которым требуется лечение.

Вирусы — «(ед. вирус, -а, м) мельчайшие из микроорганизмов, мало различимые или совсем не видимые через оптический микроскоп, возбудители инфекционных заболеваний растений, животных и человека, размножающиеся только в живых клетках» [5, I, с. 177]. В данном метафорическом словосочетании актуализируются следующие семы:

‘распространение’ ← *заразились вирусом*;

‘идеологическая основа’ ← *вирусом расизма*.

В работе О. Е. Рожковой «Метафорическое представление концептов «война» и «терроризм» в политическом дискурсе» одной из сфер-источников для проявления концепта «терроризм» в современном политическом дискурсе является сфера-источник БОЛЕЗНЬ. В данной статье отмечается, что, например, для того чтобы подчеркнуть опасность последствий и непредсказуемость проявлений терроризма, Т. Блэр сравнивает данное явление с неизвестным и смертельным вирусом, который порождается в странах, где царит религиозный экстремизм и обнищание населения. В сознании адресата возникает концептуальная метафора «TERRORISM IS DEADLY VIRUS» [Рожкова 2008: 74]. Традиционное, сформировавшееся отношение человека к инфекционной неизлечимой болезни как бы переносится на отношение к терроризму как явлению в обществе. Таким образом, медицинская метафора закономерно способствует формированию прагматических смыслов, связанных с опасностью и фатальностью проявления терроризма в обществе. В результате у адресата возникает заданное, негативное отношение к данному явлению, а также ощущение страха перед проникающим воздействием терроризма [4, с. 74].

В фрагментах публицистических текстов преобладает упоминание топонимов в контексте определённой тематики, что, по наш взгляд, влияет на формирование у топонимов определённых коннотаций, которые закрепляются в языковом сознании носителей русского языка Армении. Применение топонимов влияет на включение их в дискурс терроризма и соответственно формирует у них соответствующие смысловые коннотации.

В результате исследования нами было выявлено, что основным средством вербализации гиперконцепта «экстремизм» в анализируемом русскоязычном дискурсе Армении является морбиальная метафора, которая формирует у читателя заданное негативное отношение к данному гиперконцепту. Анализ различных метафорических моделей в собранном материале показал, что наиболее частотными являются морбиальные, фитоморфные и милитарные метафоры. Их частотность в анализируемом дискурсе очень высокая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л. В. Медицинская концептуальная метафора в политическом медиадискурсе XX–XXI вв. (динамический аспект) // Политическая лингвистика, серия языкознания и литературоведения. 2018. — Вып. 2 (68). — С. 10–17.
2. Галеева Т. И., Кахиахмедова С. Х., Богатырева С. Н. Морбиальная метафора как способ осмысления концепта «терроризм» в политическом дискурсе // вестник Удмуртского университета, серия истории и филологии. 2016. — Т. 26 — Вып. 3. — С. 93–101.
3. Лу Тинтин. Главные темы и особенности российской политической лингвистики // Языкознание и иностранные языки. 2016. — Вып. 5. — С. 41–46.
4. Рожкова О. Е. Метафорическое представление концептов «война» и «терроризм» в политическом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. — Вып. 1 (014). — С. 72–74.
5. Словарь русского языка в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньева (МАС) // Русский язык. М., 1985.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. — 238 с.
7. Чудинов А. П., Будаев Э. В. Современная теория концептуальной метафоры: американский и европейский варианты // Вестник Воронежского государственного университета, серия лингвистики и межкультурной коммуникации. 2007. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 10–22.

Поступила в редакцию 12.03.2024 г.

L. V. Akopyan

MORBIAL METAPHOR IN THE RUSSIAN-LANGUAGE MASS MEDIA DISCOURSE OF ARMENIA

In this article extremism is considered as a hyperconcept which incorporates “extremism”, “terrorism”, “radicalism”, and “genocide” concepts. In connection with the peculiarities of metaphor as a mental phenomenon, we identified and described metaphors involved in the verbalization of the hyperconcept “extremism” in the Russian-language mass media discourse of Armenia. The study analyzed the verbal implementations of concepts, which amounted to about 3000-word usages, selected by a continuous sampling method from two high-quality Russian-language online publications of Armenia “News of Armenia” and “Voice of Armenia” for the period from 2010-2022. Analysis of various metaphorical models in the collected material showed that morbial metaphors are among the most frequently used, along with military and phytomorphic metaphors.

Key words: *mass media discourse, hyperconcept, extremism, morbial metaphor.*

Акопян Лилит Вигеновна.

Кандидат филологических наук.

Государственный университет им. В. Я. Брюсова,
г. Ереван, Армения.

Даляньский университет иностранных языков,
г. Далянь, КНР.

Преподаватель китайского языка.

Специальный исследователь.

E-mail: lilit19904@gmail.com

Akopyan Lilit Vigenovna.

Candidate of Philology.

Brusov State University, Yerevan, Armenia.

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, PRC.

Chinese language lecturer.

Special researcher.

E-mail: lilit19904@gmail.com

УДК 811

*И. С. Бондаренко © 2024**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Осетинский государственный университет
им. Коста Левановича Хетагурова»*

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ИРАНСКИХ ЗАИМСТОВАНИЙ

В статье рассматривается вопрос о специфике славяно-иранских языковых контактов. На основе методики кросс-культурного анализа проиллюстрированы лингвокультурные особенности иранских заимствований в современном русском языке. Актуальность темы обусловлена необходимостью продемонстрировать роль заимствованной лексики, а именно иранизмов, в процессе взаимодействия двух культур. В ходе исследования было выявлено, что процесс заимствования иранской лексики сопровождается различными трансформациями в семантической структуре слова, что обусловлено культурными особенностями этноса, которые отразились и закрепились в языке.

Ключевые слова: заимствованная лексика, иранизм, лингвокультурология, кросс-культурный анализ.

Язык представляет собой сложную динамическую систему, находящуюся в постоянном движении, т. е. непрерывно развивающуюся и совершенствующуюся. При этом наиболее подвижным и открытым для разного рода изменений представляется лексический уровень языковой системы. Одним из основных источников обновления языка, пополнения его словарного состава новыми лексическими единицами является заимствование, условием существования которого являются контакты между народами, а вместе с тем и между их языками.

Россия, как и другие страны, во все периоды своего существования развивалась не изолированно от других государственных образований, а вступала с ними в различного рода отношения: экономические, общественные, культурные, политические. В связи с этим во все исторические эпохи своего развития Россия подвергалась различным социокультурным влияниям.

Взаимодействие России со странами Востока, на наш взгляд, представляет собой пример одного из важнейших векторов межгосударственного взаимодействия. Это объясняется тем, что восточный тип культуры, который «ориентирован на традиционные образы поведения, коллективизм и вместе с тем тяготение к деспотическому началу, отрицание индивидуализма, духовность и нравственное совершенствование» близки нравственным установкам русской культуры [5, с. 153]. Это обуславливает возможность восточного влияния на русский язык, формировавшегося, конечно, исторически.

Как отмечают исследователи, «политико-экономические отношения России с Ираном (Персией) насчитывают более пяти веков» [3, с. 6]. На современном этапе развития эти государства продолжают активно налаживать сотрудничество во всех сферах жизни общества. Связи Ирана и России многогранны, народы обеих стран взаимодействуют на различных уровнях и по широкому кругу вопросов: геополитических, дипломатических, военных, экономических, культурных.

Активное развитие взаимоотношений России с Востоком объясняет наличие в русском языке лексических единиц восточного происхождения. Среди них особую группу составляют иранизмы, которые представляют собой один из древнейших слоев заимствований в русском языке. Они проникали в состав русского языка в течение нескольких веков из различных источников. Следует отметить, что большая часть лексем была заимствована русским языком в связи с необходимостью обозначить новые для русского народа реалии и понятия, появление которых обусловлено экономическими,

военными, торговыми и другими контактами. При этом процесс взаимодействия двух языков происходил как напрямую, так и опосредованно, то есть через языки других народов, в первую очередь это были языки тюркской группы.

Как известно, процесс заимствования представляет собой один из способов развития современного русского языка, который быстро и гибко реагирует на потребности общества. В связи с этим, славяно-иранские контакты стали одним из механизмов появления заимствованной лексики в русском словарном составе.

Следует отметить, что, попадая на русскую почву, иранизмы подвергаются ряду адаптаций к системе принимающего языка, в связи с чем, происходят различного рода изменения: фонетические, морфологические, лексико-семантические. Особым видом трансформации иноязычной лексики можно считать различия в восприятии одного понятия носителями различных этнокультур, что приводит к изменению семантической структуры слова, имеется в виду как понятийно-денотативный компонент семантической структуры слова, так и прагматический. Эти трансформации обусловлены особенностями ментальности того или иного народа.

Таким образом, можно утверждать, что в системе любого языка выделяется общечеловеческий, то есть универсальный компонент, а также национально-специфический, отражающий социально-политические, национально-культурные особенности этноса.

Изучением данного вопроса занимается такая наука как лингвокультурология, «возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [4, с. 28]. Данная научная дисциплина рассматривает язык как «культурный код нации» [1].

В рамках лингвокультурологии развился новый метод, получивший название кросс-культурный. Кросс-культурный анализ можно определить как «контрастивный анализ значимых для данной лингвокультуры концептов, подразумевающий изучение «культурной истории» слов, их репрезентирующих» [2, с. 7]. Данный метод позволяет исследовать язык и культуру в диалоге и взаимодействии. При этом кросс-культурный анализ предполагает рассмотрение лингвокультуры языка-донора и лингвокультуры языка-реципиента и последующее сопоставление полученных результатов. Таким образом, данный метод, продолжая традиции сопоставительных исследований, рассматривает иноязычные слова с дополнительным контрастивным описанием их лексических значений, которое предполагает рассмотрение различий в семантике сопоставляемых единиц, а также лингвокультурный комментарий результатов. Он позволяет взглянуть на язык как на транслятор культурных смыслов. Следовательно, в процессе кросс-культурного метода исследования иноязычная лексика представляет собой не только элемент конкретного языка, но и «явление, «проходящее» через разные культуры», которое при этом наделяется новыми культурными коннотациями [2, с. 3].

Так как язык есть отражение культуры, то все этнические особенности проявляются прежде всего в словарном составе языка, а лексика в свою очередь есть национальный маркер языковой картины мира.

Специфические культурные особенности того или иного этноса прежде всего выражаются в безэквивалентной лексике, то есть в лексических единицах, непередаваемых на другие языки и номинирующих реалии той или иной национальной культуры. Данные лексемы перешли в русский язык, сохранив свое исконное значение. К данной группе можно отнести следующие примеры:

риал — денежная единица Ирана, Йеменской Республики (БСИС): «*На что был лихой торгаш — ни риала не уступал, со вкусом, выдумкой торговался...*» (НКРЯ);

русари — платок, которым иранские женщины обязаны покрывать голову: «*Классический русари представляет собой сложенную по диагонали ткань квадратной*

формы, которая завязывается под подбородком или удерживается с помощью предохранительного штифта или зажимы».

азан — призыв к всеобщей молитве мусульман (Википедия): «С ее старинного минарета уже прозвучал первый азан» (НКРЯ).

См. также: *инжир, изумруд, нефть* и т.п.

Вторую группу составляют слова, при адаптации которых происходит расширение семантемы, то есть у слова появляются дополнительные лексико-семантические варианты. Данный процесс представляется закономерным, его суть состоит в том, что лексема, попадая в чужую языковую среду, увеличивает объем семантики, то есть используется шире, чем в языке-доноре.

Займствование «бадя» в русском языке имеет несколько значений. *Бадья* — 1. деревянное окованное или металлическое широкое ведро, суженное к низу (для извлечения из колодцев и шахт воды, руды, земли и т.п.). 2. шутол. Об очень большой посудине. 3. Количество чего-л. (обычно жидкого или сыпучего) (БРЭС). В языке-источнике *бадя* — широкое, низкое деревянное ведро (ТСРЯ); металлическая, глиняная или другая посуда для пищи: «Пустая железная бадья, громыхая, опускалась в недра кочегарки» (НКРЯ). Таким образом, представленная лексема была заимствована русским языком в общем смысле, в дальнейшем в результате метонимического переноса приобрела новое значение (мера жидкости), и только после этого у слова появилось еще одно значение — переносное, шутовское.

Примером изменения семантического объема можно считать лексему «базар», у которой в результате вторичной номинации развилось новое переносное значение. *Базар* — перен. Шум, крик (СО): «А греки обидчивые, не дай Бог пропустить кого-то, такой базар подымут, что с ума сойдешь» (НКРЯ) и иран. *базар* — место, где происходит торговля, чаще всего, на площади (СИС): «Может, собирают его сметану, да на базар продавать носят» (НКРЯ).

Отметим, что в России (в отличие от рынка) для базара характерна стихийность и неорганизованность и вместе с тем отсутствие контролирующих служб и регулирующей нормально-правовой документации. Это обусловило появление в русской культуре нового переносного значения данной лексемы, характеризующего беспорядок и неразбериху (Википедия).

Аналогичным примером является трансформация иранизма «балаган». *Балаган* — перен. Нечто грубое, шутовское, пошло-несерьезное (ТСРЯ): «А Платонов умудрился устроить балаган, откровенное посмешище» (НКРЯ) и иран. *балаган* — временная легкая постройка для ярмарочной торговли, зрелищ (БСИС): «То, что каждый апрель уже 41 год происходит в 26 специально построенных павильонах (да и во всем Милане), скорее похоже на балаган» (НКРЯ).

Изначально под балаганом подразумевалось деревянное временное строение, предназначенное для ярмарочной торговли, а также показа зрелищ и цирковых представлений. В балаганах имелись небольшие площадки под крышей для балконных зазывал, которые как можно громче расхваливали представление, привлекая внимание публики, артисты и музыканты одновременно шутили и играли на музыкальных инструментах. В связи с этим современным русским языке данная лексема приобрела переносное значение. Таким образом, выражение «устроили балаган» стало употребляться для обозначения чего-то шумного, несерьезного, пошлого.

В отдельную группу следует отнести займствования, которые в процессе адаптации в языке-реципиенте, подверглись сужению семантического объема. При займствовании лексемы, ранее обозначавшие более широкий круг предметов или явлений в языке-доноре, сокращают свой понятийный объем и начинают обозначать отдельные понятия или реалии в принимающем языке.

Примером сужения понятийного объема заимствующей лексемы в языке-реципиенте можно считать слово «парча». В русском языке *парча* — плотная шелковая сложно-узорчатая ткань, затканная золотыми или серебряными нитями (ТСИС). Следует отметить, что в русских сказках парча обычно является дорогим подарком девушке и вместе с тем символом богатства и обеспеченности. В языке-доноре, то есть в персидском языке, *парча* — ткань разного вида, используемая при шитье одежды, штор, постельных принадлежностей и т.п.; отрезок, часть, кусок; единица измерения текстиля и т.п. Таким образом, при заимствовании русским языком лексема «парча», обозначающая наименование ткани, была конкретизирована.

Сужение исконного значения наблюдается и при адаптации лексемы «бакшиш», употребляемой в иранской культуре для обозначения любого вида подношения. В русском языке данное слово подверглось сокращению семантики и стало обозначать взятку, изменив вместе с тем и свое коннотативное значение.

Бакшиш — плата, мзда, взятка: «*После осмотра дворца араб содрал с нас довольно большой бакшиш и еще повел в одну арабскую лавочку*» (НКРЯ) и иран. *бакшиш* — чаевые, благотворительные пожертвования, а также определенные формы политической коррупции (Википедия): «*Про Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию не говорю — там бакшиш испокон веков в почете*» (НКРЯ).

Заимствованная лексика может претерпевать изменениям не только в понятийно-денотативной части семантики, но и в ее коннотативном компоненте. Таким образом, для транслируемых в русскую речь иранизмов характерна и коннотативная динамика.

К примерам слов, подвергшихся изменениям в коннотативном компоненте, можно отнести иранизм «кальян». *Кальян* — «у восточных народов: специальное устройство для курения табака, способствующее очищению табачного дыма во время его прохождения через сосуд, наполненный водой, часто с добавлением ароматических веществ» (СИС) и иран. *кальян* — «прибор для курения табака у восточных народов, в котором табачный дым очищается, проходя через сосуд, наполненный водой» (ССИС): «*Посетители кофеен курят кальян и играют в нарды*» (НКРЯ). Курение кальяна в Иране можно считать особой традицией, которая интегрирована в иранскую культуру. Его курят и днем, и вечером, до работы и после работы, и даже перед сном. Именно поэтому туристам, прибывшим в республику, нередко предлагают посетить кальянную или чайхану, которые есть практически во всех городах. Главное время препровождения в таких мужских заведениях — курение кальяна. В связи с этим лексема «кальян» в иранской культуре наделена положительным эмоционально-модальным оттенком, в русской культуре он сменяется отрицательной коннотацией.

К данной группе слов также можно отнести и следующие лексемы:

рамадан — девятый месяц в мусульманском календаре, а также пост в этом месяце (СИС): «*А дальше начался месяц Рамадан, когда ничего не решается, люди вообще не работают*» (НКРЯ) и иран. *рамадан* — девятый месяц мусульманского лунного календаря; сорокадневный строгий пост у мусульман. (СО). Положительный эмоционально-модальный оттенок становится нейтральным в русской культуре.

Намаз — мусульманский религиозный обряд (ССИС): «*Шестеро босых мужчин, стоя на коленях, совершали намаз*» (НКРЯ) и иран. *намаз* — обязательная ежедневная пятикратная молитва» (Википедия). Положительная коннотация сменяется нейтральной.

Навруз — новый год по иранскому солнечному календарю; и иран. *навруз* — праздник прихода весны и Нового года по астрономическому солнечному календарю (Википедия): «*Традиции требуют встречать Навруз в чистой одежде и в прибранном доме, раздав все долги*» (НКРЯ). Для иранского народа *Навруз* — это один из главных праздников в году, это праздник весны и новой жизни. Традицию празднования чтут и

передают из поколения в поколения. Положительный эмоционально-модальный оттенок сменяется нейтральным

Представленные выше слова являются иллюстрацией коннотативной динамики. При этом понятийно-денотативный компонент данных примеров остается неизменным. Данное обстоятельство представляется закономерным, что обусловлено тем, что данные лексемы отражают моральные и нравственные установки восточного мира, основой которых являются религиозные принципы ислама.

В ходе данного исследования был сделан вывод о том, что после длительного застоя славяно-иранских связей, отношения между двумя странами, а, следовательно, и между их языками активизировались, что обуславливает появление в русском языке новых слов иранского происхождения. Данный факт объясняется близостью двух культур. Однако иранизмы, будучи в своем большинстве экзотизмами, не оказывают влияния на русскую ментальность, в связи с тем, что отличительной чертой культуры Ирана являются моральные установки, которые ориентированы на религиозные принципы ислама. Таким образом, проведенный анализ лексических заимствований дает возможность утверждать, что иранизмы, в процессе перехода в языковую систему русского языка претерпевают ряд изменений в содержательном плане. Выявленные различия в семантическом и коннотативном компонентах приведенных примеров позволяют судить о том, что восприятие понятий носителями языка связано прежде всего с особенностями ментальности представителей той культуры, в котором функционирует слово. Процесс заимствования иранизмов в современном русском языке характеризуется в первую очередь изменениями в семантическом объеме лексических единиц. Данный факт обусловлен культурными особенностями той языковой среды, в которой функционирует понятие. Семантика слов может изменяться как коренным образом, так и частично.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головкин Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия / Ж.С. Головкин. — Белгород: БелГУ, 2008. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-yazyk-aspekty-vzaimodeystviya/viewer>.
2. Гусакова Ю. О. Кросскультурный анализ французских заимствований (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 21.10.2010 / Ю.О. Гусакова. — Белгород, 2010. — 21 с.
3. Дунаева Е. В. Предисловие / Е. В. Дунаева, В. И. Сажин // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы: Сборник статей международной конференции, Москва, 03 марта 2014 года / ИВ РАН; Под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. — Москва: Институт востоковедения РАН, 2015. — С. 6–11.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. Пособие / В. А. Маслова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Академия, 2004. — 208 с.
5. Сенько Е. В. Заимствование на современном этапе развития русского языка / Е.В. Сенько, Э.Г. Кисарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 4-1(58). — С. 152–154.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>.
2. Словарь иностранных слов. — 13-е изд., стереотип. — М.: Рус. Яз., 1986. — 608 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Темп, 2007. — Режим доступа: www.ozhegov.org.
4. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 2000. — 742 с.
5. Толковый словарь иноязычных слов: Ок. 25000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. — М.: Рус. яз., 1998. — 846 с.
6. Большой Российский энциклопедический словарь. — Репр. изд. — М.: Большая Российская энцикл., 2009. — 1887 с.
7. Большой словарь иностранных слов/ Сост. А. Ю. Москвин. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 816 с.
8. Википедия. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

Поступила в редакцию 06.03.2024 г.

CROSS-CULTURAL ANALYSIS OF IRANIAN BORROWINGS

The article discusses the specifics of Slavic-Iranian language contacts. The linguistic and cultural features of Iranian borrowings in modern Russian are illustrated on the basis of the methodology of cross-cultural analysis. The relevance of the topic is due to the need to demonstrate the role of borrowed vocabulary, namely Iranisms, in the process of interaction between two cultures. The study revealed that the process of borrowing Iranian vocabulary is accompanied by various transformations in the semantic structure of the word, which is due to the cultural characteristics of the ethnic group, which are reflected and entrenched in the language.

Key words: *borrowed vocabulary, Iranism, linguoculturology, cross-cultural analysis.*

Бондаренко Ирина Сергеевна.

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, РФ.

Ассистент кафедры русского языка.

E-mail: irina.bondarenko1999@mail.ru

Bondarenko Irina Sergeevna.

North Ossetian State University after

K.L. Khetagurov,

Vladikavkaz, RF.

Assistant of the Russian Language Department.

E-mail: irina.bondarenko1999@mail.ru

УДК 81'42

Д. А. Шмыгарева © 2024

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Оренбургский государственный педагогический университет»

(Научн. рук. — д-р филол. наук, доцент Е. Н. Бекасова)

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОСЁЛКА ПЕРВОМАЙСКИЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Топонимическая система посёлка Первомайский представляет интерес, поскольку его территория обживалась практически с формирования Оренбургской губернии как земли, с одной стороны, принадлежащей солеруднику, а с другой, ставшей важным сторожевым форпостом оренбургского казачества. Однако историческое возрождение почти более чем через полтора века определило генетическую разнородность в топонимических названиях, а также особенности формирования названий линейных внутриселковских объектов.

Ключевые слова: *топонимы, ойконим, годонимы, микротопонимы, Оренбургская область.*

Первые системные описания топонимики Оренбуржья принадлежат известному оренбургскому краеведу, диалектологу и топонимисту Б. А. Моисееву, однако несмотря на это территория большинства «районов Оренбургской области исследована спорадически и выборочно, вследствие чего необходима целенаправленная работа по составлению реестра географических названий и их научному описанию» [1, с. 102], тем более, что формирование топонимического ландшафта сохраняет не только следы древних кочевников, активного заселения края в XVIII в., сложные переплетения топонимов в процессе освоения земель переселенцами, но и весьма императивные смены в советский и перестроечный периоды [10].

При этом следует помнить, что крупнейший отечественный специалист в области ономастики А. В. Суперанская отмечала, что «любое небольшое региональное исследование оказывается вкладом в общую теорию имени собственного» [8, с. 4].

В связи с этим нами были собраны и исследованы топонимические единицы на территории посёлка Первомайский Оренбургского района Оренбургской области. Топонимическая система посёлка Первомайский определялась как историей его заселения, так и спецификой его развития как населённого пункта. Большинство таких сведений

представляют материалы Первомайского поссовета (Оренбургская область, Оренбургский район, п. Первомайский, ул. Воронова 11) и библиотеки МБОУ «СОШ № 2 п. Первомайский» (Оренбургская область, Оренбургский район, п. Первомайский, ул. Воронова, 14, заведующая Л. А. Кинзибаева)

Посёлок расположен на юге крупнейшего в области Оренбургского района по среднему течению реки Донгуз — левому притоку реки Урал. Река неглубокая, заметно мелеющая к осени, охватывает поселок полукольцом с востока и севера. Б. А. Моисеев в своих работах по топонимике считает, что «слово донгуз тюркское, оно употребляется в татарском языке — дунгыз, в казахском — донгуз и переводится как «кабан, свинья». Следовательно, Донгуз — это река «Кабанья», изобилующая дикими свиньями, кабанями. Географы утверждают, что по реке Донгуз некогда росли лесная урёма (приречный лес) и непроходимые камыши. Река когда-то была отличным местом обитания диких свиней» [4, с. 99]. При этом Б. А. Моисеев ссылается на описание первого члена-корреспондента Российской Академии наук П. И. Рычкова, который отмечал, что «кабаны, или дикие свиньи, в Башкирии и на здешней стороне Яика редко случаются. Напротив того, за рекою Яиком, по Илеку реке вверх, а особливо около тех озёр, на которых камыш растёт, яицкие и илецкие казаки в зимние времена бьют их для пищи весьма немало, а иногда и в Оренбург для продажи битых привозят. Из них так велики бывают, что в одной туше от пятнадцати до двадцати пудов мяса случается» [4, с. 100].

По имеющимся сведениям, первое поселение возникло в середине XVIII в. (1760 г.) на месте старого Донгуза, на горе Маяк, где был построен сторожевой пост (форпост) для охраны солевозной дороги из Илекской защиты в Оренбург (подробнее см.: [4, с. 323-324]). Сохранились развалины старого поселения вдоль правого берега реки Донгуз, которые известны в том числе и по описаниям сохранившихся на высотах (*Донгузских скалах*) следов окопов красных полков, стоявших в обороне на подступах к Оренбургу. Возле железнодорожного моста на братской могиле красноармейцев поставлен обелиск с мемориальной доской.

Эти земли принадлежали солеруднику и считались «казенной землей», которая предназначалась для выпаса скота, прогоняемого из Казахстана на Меновой двор. Рядом с постом имелся древний курган, описанный в известном труде П. С. Паласса «Путешествие по родным провинциям российской империи» (1769 г.). Поселение окружала *Донгузская степь*.

Первоначально территория будущего посёлка представляла собой военное укрепление и население состояло из русских крестьян, казаков и солдатских команд. Солдаты несли гарнизонную службу, а на казаках лежала сторожевая, наблюдательная и разведывательная служба на линии, при этом казаки несли службу пожизненно.

К концу XVIII в. количество населения значительно увеличилось в связи с утверждением положения об Оренбургском казачьем войске, по которому крестьяне были причислены к военному казачьему сословию. Донгуз причислялся к Павловской станице. В 1880 г. в Донгузе насчитывалось 45 дворов, населения — 284 человека, из них 144 мужчин и 140 женщин. В 1900 г. здесь насчитывалось уже 60 дворов, проживало 382 человека.

Однако только в 1954 г. был отстроен жилой городок — п. Первомайский близ станции Донгузская. Первые строители, отмерив строго на запад от вокзала 1000 метров, забили первый кольшек. Здесь был построен штаб части.

За годы существования населённого пункта в нём накопились различные топонимические названия, которые мы разделили на соответствующие группы [5, с. 74–85; 9, с. 11-50, 109-137].

Надо отметить, что ойконим [5, с. 93] Первомайский имеет весьма прозрачную этимологию, подтверждённую документально — поселок получил статус рабочего 19 июня

1954 году и стал называться *Первомайский*, в честь Первого Мая — праздника международной солидарности трудящихся.

На территории Первомайского исторически сложились названия частей посёлка, которые официально не фиксируются и являются универсальными названиями не только на территории Оренбуржья [11], при этом каждое из названий свидетельствует о достаточно жёсткой территориальной прикреплённости объекта, например: *Банная* — в народе эту местность называют по месту, где была общая баня, в которую приходило мыться все население; *Залиния* — часть посёлка, находящаяся за железнодорожными путями; *Полигон* — такое название получено из-за расположения на территории поселка Донгузского полигона; *Умит* — в этой части поселка расположена организации «Управления и механизации транспорта» — УМИТ; *Шанхай* — эта часть посёлка в ночное время мало освещалась, как и Подмаячный район города Оренбурга, который также называется Шанхай, то есть название было заимствовано по наименованию части г. Оренбурга.

Р. В. Разумов причисляет такие топонимы к дескриптивной модели и считает тем, что линейные объекты (проспекты, улицы, линии, переулки, проезды, бульвары, набережные [5, с. 50]) привязаны к традиционным частям посёлка Первомайского. Так, к самой старой части посёлка — Шанхай — относятся следующие годонимы, которые в соответствии с классификацией Р.В. Разумова [7, с. 192-224] можно распределить по следующим моделям:

1) дескриптивная модель: расположение относительно сторон света — улицы *Южная* и *Северная*; расположение относительно другого объекта — улица *Спортивная* (параллельно находится стадион), улица *Надпочечная* (располагается рядом над рекой Донгуз), улица *Парковая* (вдоль улицы расположен Парк Победы); по растительности — улица *Садовая* (растёт большое количество деревьев с вишней); указание на размеры объекта — улица *Малая* (является самой маленькой улицей по сравнению с другими);

2) меморативная модель: улица *Ворошилова* (в честь Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова); улица *Комсомольская* (в честь комсомольского движения); улица *Пионерская* (в честь советских пионеров); *Парк им. Ленина*.

Годонимы, относящиеся к микропониму Умит можно распределить по следующим моделям:

1) дескриптивная модель: расположение относительно сторон света — улица *Восточная*; расположение относительно другого объекта — улицы *Водопроводная*, *Газопроводная* (параллельно была положена первая в поселке система водоснабжения и газопровода), улица *Набережная* (расположена вдоль берега реки Донгуз), улица *Культурная* (в конце улицы расположено здания Дома культуры и досуга), улица *Лесная* (на ней находится здание лесозащитной станции); по качеству озеленения улица *Березовая* (вдоль улицы посажены берёзы), *Зеленый* переулок (по обилию зеленых насаждений на приусадебных участках); указание на возраст объекта — улица *Новосельская* (указание на заселение новыми сельчанами); улица *Молодежная* (является самой «молодой» по сравнению с остальными, здесь заселялись заселялись в основном молодые семьи);

2) меморативная модель: улица *Дикарева* (в честь жителя посёлка Алексея Дикарева, который был удостоен звания Героя Социалистического труда); улица *Космическая* (название улицы связано с первым в мире полётом в космическом пространстве лётчика-космонавта СССР Юрия Алексеевича Гагарина); меморатив в честь Международного женского дня — улица *8 Марта*; в память о VI Всемирном фестивале молодежи и студентов — улица *Фестивальная*; меморатив в честь города — улица *Ленинградская*;

3) эвсемистическая модель: улица *Дружбы*.

Годонимы, относящиеся к части Залиния можно распределить по следующим моделям:

1) дескриптивная модель: расположение относительно другого объекта — улица *Железнодорожная* (рядом расположены привокзальная часть и железнодорожные пути), *Магистральный* проезд (проходила главная линия в системе железнодорожной сети), улица *Степная* (была крайняя от степи, которая в последующем подвергается образованию других улиц); улица *Луговая* (указание на первоначальный почвенный покров); *Косой* переулок (по расположению относительно основных улиц переулок имеет косое направление);

Годонимы, относящиеся к части поселка *Банная* можно распределить по следующим моделям:

дескриптивная модель: расположение относительно сторон света — улица *Солнечная* (она ориентирована на юг, к солнцу); расположение относительно другого объекта — улицы *Внутренняя* (находится между двумя крупными улицами — «исторически первым типом городских онимов» [7, с. 201]. Это подтверждается также

1) Ленинской и Советской, — то есть «внутри», *Тупой* переулок (расположен между двумя крупными улицами и не имеет выхода и выезда); указание на возраст объекта — улица *Новая* (является новой по отношению к другим);

2) меморативная модель: Улица *Будённого* (в честь маршала Советского Союза Семёна Михайловича Будённого); улица *Гагарина* (в 1961 году названа в честь Гагарина Ю. А.); улица *Горького* (в честь М. Горького); улица *Кирова* (в память о советском государственном и политическом деятеле Сергее Мироновиче Кирове); улица *Ковалева* (в честь командира стрелкового взвода, Героя Советского Союза П. С. Ковалёва); улица *Ленинская* (в честь деятеля революционного движения, Владимира Ильича Ленина); улица *Пушкинская* (в память А. С. Пушкина); улица Чапаева (в честь командира дивизии Красной Армии В. И. Чапаева); связана с Советским фондом мира улица *Мира*; в честь рабочего класса — улица *Пролетарская*; в честь установления советской власти — улица *Советская*.

3) эвсемистическая модель: улица *Звездная*.

Годонимы, относящиеся к части посёлка Полигон имеют отличия от других частей посёлка, так как в основном представлены меморативами, при этом только одна улица определяется ранее находящимися на ней объектами (*Дачная*, на ней располагались дачи жителей).

Меморативная модель: улица *Березина* (в честь Генерал-майора Александр Дмитриевич Березина); улица *Воронова* (в память о Савватие Михайловиче Воронове, которого называют создателем крылатого металла); улица *Симонова* (в честь Героя Советского Союза, полковника Военно-Воздушных сил Михаила Васильевича Симонова); в честь окончания Девятого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР — Улица *9 Пятилетки*; улица *Строителей* (в 70-е годы здесь началось строительство новых домов, до этого времени на данном месте было поле); *Парк Им. Генерала Дмитриева* (в честь одного из самых деятельных начальников полигона — Олега Константиновича Дмитриева, особенно много сделавшего для части, и для всего поселка).

Следует отметить, что наполняемость соответствующих групп различна и по традиционным частям посёлка и в целом по территории. Наиболее характерна дескриптивная модель, чаще всего по связи с другими объектами, ориентацией объекта, хорошо представлена меморативная модель, где наряду с распространёнными на территории Российской Федерации наименованиями встречаются такие, которые увековечивают память людей, связанных с посёлком. При этом следует согласиться мнением Р. В. Разумова, что урбанонимы Оренбургской области по сравнению с Центральным федеральным округом обладают «высокой повторяемостью меморативов региона» [6, с. 35], в нашем случае это проявляется не только в распространённых в Оренбуржье названиях улиц, но и в названии исторической части села Шанхай.

С другой стороны, наименования линейных объектов посёлка занимают промежуточное положение между урбанонимией и виконимией. Например, судя по

исследованиям А. М. Мезенко, в посёлке представлена часть набора номенклатурных терминов урбанонимии (3 из 15 — улица, переулок, тупик) [3, с. 177].

Представленная в данной статье часть топонимической системы посёлка Первомайский свидетельствует об определенных, свойственных Оренбуржью «процессах усвоения старых названий географических объектов, их «перелицовки», естественных и искусственных переименований, обусловивших формирование своеобразной многослойности топонимической системы» [2, с. 101], что, с одной стороны, представлено тюркским гидронимом Донгуз и обусловленными им образованиями, а с другой стороны, топонимами, связанными с оренбургским казачеством и наименованиями советской эпохи, которые определяются прежде всего формированием самого посёлка и его названия в честь праздника Первого мая. При этом внутриселковые объекты в основном соответствуют реалиям нового времени и нередко свойственными для второй половины XX – начале XXI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е. Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края // Вестник ОГПУ, 2015. — № 3. — С. 98–107.
2. Бекасова Е. Н. Языковое пространство Оренбуржья. Монография. — Brno, Czech Republic: Tribun EU, 2022. — 256 с.
3. Мезенко А. М. Хортенсионимы в системе наименований топографических объектов в пределах поселения// Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы III Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. / [отв. ред. Е. Л. Березович]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 176–178.
4. Моисеев Б. А. Топонимические очерки Оренбуржья. Научно-популярное издание / Б. А. Моисеев — Оренбург: Издательство «Оренбургская книга», 2016. — 416 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — 199 с.
6. Разумов Р. В. Региональные особенности персональных меморативов в урбанонимии Оренбургской области / Р. В. Разумов // Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 ч. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22–24 ноября 2018 г. Ч 2. (Разделы 5–8). — Оренбург: «Издательство “Оренбургская книга”», 2018. С. 34–36.
7. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: полевая организация, модели номинации, социолингвистические модели функционирования. Монография. / Р. В. Разумов. — Ярославль Изд-во ЯГПУ, 2022. — 387 с.
8. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века / Отв. ред. Н. В. Васильева. — М.: Изд-во Ин-та языкозн. РАН, 2009. — 80 с.
9. Супрун В. И. Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / В. И. Супрун. — Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. — 444 с.
10. Bekasova Elena N. Linguacultural Interactions in Orenburg Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2021 14(10): 1474–1485.
11. Grominová Andrea, Gajarský Lukáš, Е. Н. Бекасова. Традиции наименований частей населённых пунктов Четвёртые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: в 2 частях. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 22–24 ноября 2018 г. — Ч. 2. — Оренбург: ООО «Изд-во “Оренбургская книга”», 2018. — С. 42–45.

Поступила в редакцию 10.03.2024 г.

D. A. Shmygareva

TOPONYMIC SYSTEM OF THE VILLAGE OF PERVOMAYSKY ORENBURG REGION

The toponymic system of the Pervomaisky settlement is of interest, since its territory has been inhabited practically since the formation of the Orenburg province as land, on the one hand belonging to the solerudnik, and on the other, which has become an important outpost of the Orenburg Cossacks. However, the historical revival, almost more than a century and a half later, determined the genetic heterogeneity in toponymic names, as well as the peculiarities of the formation of names of linear intra-village objects.

Keywords: *toponyms, oikonoms, hydronyms, microtoponyms, Orenburg region.*

Шмыгарева Дарья Андреевна.

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ.

Студент.

E-mail: idem74@mail.ru

Бекасова Елена Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент.

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ.

Профессор кафедры русского языка и МПРЯ.

E-mail: bekasova@mail.ru

Shmygareva Daria Andreevna.

Orenburg State Pedagogical University,
Orenberg, RF.

Студент.

E-mail: idem74@mail.ru

Bekasova Elena Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, RF.

Professor of the Department of Russian Language
and MPRL.

E-mail: bekasova@mail.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81'42:659.123.4

О. А. Попова © 2024

*Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук И. А. Сафонова)*

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РЕКЛАМЕ ВУЗОВ

В статье описаны результаты исследования рекламных текстов российских вузов. Материалом для изучения послужили рекламные сообщения, размещенные на сайтах учебных заведений и/или в средствах массовой информации. Определен состав коммуникативных стратегий, наиболее часто используемых в рекламе вузов. Установлены тактики, формирующие выделенные стратегии. Охарактеризованы вербальные и невербальные средства, с помощью которых реализуются выявленные стратегии и тактики.

Ключевые слова: *реклама, рекламный текст, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.*

1. Реклама, будучи отдельной сферой деятельности, представляет собой неотъемлемую часть жизни современного общества. Цель создания рекламных текстов состоит в повышении спроса на товары или услуги. Одним из «инструментов», позволяющих специалистам в области рекламы увеличивать объем продаж, являются коммуникативные стратегии и реализующие их тактики, ориентированные на выделение объекта среди других и описание его привлекательных для потребителя свойств.

Изучению коммуникативных стратегий посвящен ряд научных работ [см., например: 1; 6; 14; 17]. Ученые-языковеды определяют коммуникативную стратегию с разных позиций. Опираясь на положения прагмалингвистического подхода, И. В. Труфанова понимает коммуникативную стратегию как совокупность речевых действий [20, с. 58], тогда как М. Л. Макаров — как цепочку принимаемых говорящим решений, его выбор тех или иных коммуникативных действий и лингвистических средств [13, с. 192].

Объединяя достижения коммуникативной и когнитивной лингвистики, О.С. Иссерс характеризует коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который включает как планирование процесса общения в зависимости от условий общения и личностей коммуникантов, так и реализацию этого плана с учетом отдельно взятой коммуникативной ситуации [7, с. 54]. Иначе говоря, коммуникативная стратегия — «план, цель которого помочь адресату в процедуре обработки информации» [7, с. 52].

Рассматривая коммуникативные стратегии с опорой на положения психолингвистического подхода, Г. А. Копнина называет их речевыми стратегиями и предлагает такую дефиницию: «общий мыслительный план, или общая психологическая линия речевого поведения, определяемая интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего / пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации (время и место коммуникации, интенции участников коммуникации, их профессиональные, возрастные, гендерные, этнические характеристики, социальные статусы и роли, особенности характера, тип межличностных отношений, эмоциональное состояние и другие факторы)» [10, с. 56].

Некоторые исследователи разграничивают понятия «речевая стратегия» и «коммуникативная стратегия». Так, О. А. Крылова и Т. Б. Радбиль в своей работе рассматривают речевую стратегию как «планирование и реализацию основных задач речевого воздействия в нужном для говорящего направлении», а коммуникативную стратегию — как «совокупность речевой стратегии и экстралингвистических компонентов» [11, с. 482].

Коммуникативные стратегии осуществляются посредством коммуникативных тактик, которые рассматриваются как совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия: «Коммуникативная тактика — более мелкий масштаб рассмотрения коммуникативного процесса, по сравнению с коммуникативной стратегией» [8, с. 136]. Коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика неразделимы; они соотносятся как общее и частное соответственно.

Реализация коммуникативных стратегий в рекламном тексте составляет отдельную научную проблему. Ее изучению посвящены работы многих исследователей. Так, описаны отдельные коммуникативные стратегии в рекламном дискурсе, реализующемся в разных сферах общественной жизни [см., например: 2; 9; 12; 18; 21]; предложены классификации коммуникативных стратегий современного рекламного текста [см., в частности: 4; 7; 15]. При этом исследование коммуникативных стратегий и тактик сохраняет свою актуальность, поскольку в стремительно меняющихся социальных условиях постоянно появляются новые объекты для описания.

Одним из феноменов, требующих научного осмысления, остается реклама высших учебных заведений. В связи с увеличением количества учреждений, предоставляющих образовательные услуги, конкуренция между ними возрастает, что побуждает вузы использовать различные коммуникативные стратегии с целью привлечения абитуриентов. Цель нашей работы состоит в определении специфики использования коммуникативных стратегий в рекламных материалах государственных и негосударственных вузов России, размещенных на сайтах учебных заведений и/или в средствах массовой информации.

В настоящее время существуют разные классификации коммуникативных стратегий. Так, в работах А. А. Горячева коммуникативные стратегии разделяются на информационно-формирующие и оптимизирующие [4, с. 70]. Информационно-формирующие стратегии представляют собой стратегии, которые направлены на «создание обладающего воздействующим потенциалом образа объекта рекламирования» [там же]. Оптимизирующие стратегии ориентированы на то, чтобы «сделать речевое воздействие более эффективным (усилить и, насколько возможно, гарантировать его эффект)» [там же, с. 92].

2. Анализируемые нами рекламные тексты отличаются совмещением различных коммуникативных стратегий. Далее остановимся на важнейших из этих стратегий.

В группу информационно-формирующих стратегий входят стратегии ассоциирования и диссоциирования.

Стратегия ассоциирования помогает сформировать «положительную» связь между референтами рекламного текста [4, с. 139]. Так, рекламный ролик Югорского государственного университета содержит следующий фрагмент: *...Здесь собрано всё, что тебе интересно: #наука#сессия#лекция#творчество#практика#друзья#библиотека#спорт#креатив#семинар*¹. В данном высказывании употребляется определительное местоимение *всё*, позволяющее показать, что в университете, образ которого создает рекламный текст, есть полный перечень самого необходимого для студента. Кроме того,

¹ При воспроизведении рекламного текста сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

при графическом оформлении высказывания используется особый знак — хештег. Слова, отмеченные хештегом, демонстрируются в видеоролике на однотонном фоне поочередно: когда появляется один, исчезает другой. Обращает на себя внимание отбор лексических единиц, отмеченных хештегом. С помощью этих единиц в сознании реципиента формируется представление о Югорском государственном университете как об учебном заведении, где можно не только учиться, но и применять знания на практике, искать друзей, реализовывать творческий потенциал. Применение хештега также не является случайным. Авторы рекламного текста включили знак, ориентирующий адресатов на сферу интернет-коммуникации, которая хорошо им знакома и часто ассоциируется с чем-то новым и перспективным.

Приведенная стратегия реализуется также в слогане *Югорский государственный университет — месторождение знаний*. В основе метафорической характеристики учебного заведения (*месторождение знаний*) лежат представления о Югре как одном из крупнейших нефтедобывающих регионов мира. Югорский государственный университет предстает как неиссякаемый источник знаний.

Стратегия диссоциирования подчеркивает отличие и дистанцирует объект от «ментальных репрезентаций объектов, явлений, идей, семантический полей» [4, с. 79]. Так, рекламный текст Московского политехнического университета содержит следующее высказывание: *Учим на задачах от реальных компаний — ты будешь знать, что делать после выпуска*. Многие абитуриенты боятся, что после окончания вуза не смогут применить на практике знания, полученные в университете. Стратегия диссоциирования позволяет показать, что абитуриенты, поступившие в Московский политехнический университет, не столкнутся с такой проблемой. Так, рекламный текст характеризует университет, подчеркивая, что его отличительная черта — практическое применение полученных знаний.

3. Группу оптимизирующих стратегий в анализируемом материале формирует стратегия прямого влияния на процесс принятия решений, стратегия управления вниманием, стратегия управления критичностью восприятия, мнемоническая стратегия, стратегия управления декодированием и интерпретацией, стратегия дискурсивного позиционирования.

Стратегия прямого влияния на процесс принятия решения является широко используемой в исследуемом материале и реализуется в рекламе вузов через тактики прямого императивного влияния, косвенного императивного влияния, моделирования ситуации принятия решения.

В качестве маркера тактики прямого императивного влияния, как правило, выступают глаголы в форме императива. Данная тактика представлена во многих текстах, например: **Выбери** правильную траекторию карьерного роста совместно с УлГТУ! (Ульяновский государственный технический университет); **Поступи** в лидирующий педагогический вуз страны (Московский городской педагогический университет); **ПОСТУПАЙ** В БОНЧ! (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича). В первом из приведенных контекстов используется прилагательное *правильный*, имеющее значение «верный, соответствующий действительности, такой, как должно» [19, с. 714], в котором отражена положительная оценка выбора учебного заведения. Во втором контексте употребляется причастие *лидирующий*, образованное от слова *лидировать*, которое имеет значение «быть лидером» [19, с. 407] и акцентирующее внимание адресата на том, что вуз является первым среди равных.

Тактика косвенного императивного влияния отличается тем, что призыв к действию сопряжен с «непрямой аргументацией целесообразности данного действия» [4, с. 124–125]. Так, слоган *Учись. Изобретай. Живи* (Государственный университет

аэрокосмического приборостроения) не содержит прямого указания на необходимость поступления в университет. Абитуриенту предлагается учиться и изобретать, при этом имплицитно представлена информация о том, что именно поступление в ГУАП позволит реализовать эти возможности. С помощью глагола *жить* подчеркивается, что университет определяет жизнь студента в настоящем и будущем.

Тактика моделирования ситуации принятия решения реализуется в ситуациях, когда адресат подталкивает адресанта к выбору определенного способа принятия решения [4, с. 126]. Так, Волгоградский государственный технический университет предоставляет абитуриенту суждение и предлагает прийти на день открытых дверей, чтобы проверить его истинность: *Волгоградский политех — университет суперспособностей! В этом ты убедишься сам, когда посетишь Большой день открытых дверей.* Автор рекламного текста призывает выбрать выгодный для него способ достижения истины и побуждает прийти на мероприятие.

Частую реализацию в исследуемом материале находит также стратегия управления вниманием, которая может реализовываться в рекламных текстах через тактику привлечения внимания к сообщению. Акцентировать внимание абитуриентов на том или ином фрагменте можно с помощью графического выделения отдельных фрагментов [4, с. 98]. Например: *Высшее образование / За 300 рублей в месяц / Поступи прямо сейчас! / Узнай минимальный проходной балл в 2023 году, оставив заявку* (университет «Синергия»). Первое высказывание разделяется на две части, которые оформлены как отдельные высказывания — *Высшее образование / За 300 рублей в месяц.* В совокупности с *Поступи прямо сейчас!* оно формирует часть текста, которая выделена с помощью крупного шрифта, тогда как часть *Узнай минимальный проходной балл в 2023 году, оставив заявку* — посредством шрифта меньшего размера.

В ходе исследования было установлено, что в рекламе вузов также реализуется тактика привлечения внимания к сообщению посредством цветового оформления текста. Часто используют красный цвет, который, по мнению А. В. Булатовой и С. В. Мельниковой, «идеально держит внимание зрителя, заставляя сконцентрироваться» [3, с. 37]. Так, фрагмент *Поступи без ЕГЭ и получи высшее образование — зачисление за 1 день* (Московский институт юриспруденции) выделен полужирным, что уже позволяет привлечь внимание адресата. При этом существительное *зачисление* выделяется красным цветом на фоне других единиц, выделенных черным цветом.

Стратегия управления вниманием реализуется также посредством тактики фиксации внимания на сообщении [4, с. 102]. Часто в рекламных текстах вузов с целью удержать внимание адресата эксплуатируется заинтересованность абитуриентов в построении успешной карьеры и обеспечении себе спокойного будущего, поэтому нередко в рекламе встречаются существительные *будущее, возможности, карьера, успех.* Например: *Строй карьеру с ВолГУ* (Волгоградский государственный университет). Используя в рекламном сообщении существительное *карьера*, автор текста предлагает будущему студенту удовлетворение потребности в карьерном росте. Адресат изначально заинтересован в получении такой информации, поэтому останавливает внимание на рекламе.

Рассмотрим еще одну возможность реализации описываемой тактики. Для удержания внимания будущих абитуриентов используется вопросно-ответная форма передачи информации: *Не знаешь куда поступить на бюджет? МАИ ждет тебя!* (Московский авиационный институт). Одновременно имплицитно представлена информация о большом количестве бюджетных мест.

Стратегия управления критичностью восприятия также часто используется в исследуемом материале. С данной стратегией соотносится тактика провоцирования

эмоциональных реакций [4, с. 117]. Данная тактика реализуется за счет демонстрации искренней симпатии к клиенту, например: *Достойное образование для Достойных людей!* (Волгоградский государственный технический университет); *ДГТУ — важен каждый!* (Донской государственный технический университет); *Мы ждем именно тебя!* (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения); *В КНИТУ-КАИ есть все, и все это для тебя!* (Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева). В приведенных рекламных текстах подчеркивается исключительность и важность каждого абитуриента, что вызывает у него положительные эмоции.

В рекламе университетов нередки случаи применения мнемонической стратегии, которая должна обеспечить «условия для запоминания сообщения» [4, с. 119]. Данная стратегия часто реализуется в тактике повторения: *Выбирай РЭУ — выбирай будущее!* (Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова); *Поступай правильно, поступай в #ИЭМ_ВятГУ* (Вятский государственный университет). В приведенных примерах используется лексический повтор глагола в форме императива, что способствует усилению воздействия на адресата с целью убедить его подать документы в тот или иной вуз.

Реализация мнемонической стратегии через тактику придания сообщению необычной формы, напротив, не столь широко распространена. Например: *Твой выбор — МАИ возможности* (Московский авиационный институт). Аббревиатура вуза совпадает в произношении с притяжательным местоимением *мои* ([млй]), но различаются семантически и графически. В данном случае можно говорить об омофоническом сближении слов, которое определяется как «эффект „ослышки“» [см. об этом: 5, с. 658]. Адресат, читая рекламу, обращает внимание на креативный слоган и лучше запоминает его благодаря оригинальной идее.

Со стратегией управления декодированием и интерпретацией в анализируемом материале соотносится тактика предотвращения ошибок при передаче, целью которой является недопущение «технических проблем коммуникации» [16, с. 229]. Этой цели служит прием дублирования каналов связи, при котором смысл сообщения повторяется с помощью различных средств [4, с. 104].

Так, в рекламном ролике Санкт-Петербургского государственного экономического университета вербально эксплицируемая информация дублируется посредством изображений. Закадровый голос произносит следующий текст: *...В ГЭУ тебя ждет: интересная учеба в центре самого красивого города в мире, все уровни образования, 7 факультетов и 46 кафедр, большой выбор программ от экономики и управления до информационной безопасности и международных отношений, стипендия от работодателей, трудоустройство после получения диплома, международные стажировки, возможность бесплатно получить военную специальность без отрыва от учебы, насыщенная студенческая жизнь, собственный спортивный клуб и команды, общежитие в удобных районах рядом с метро...* В рекламном сообщении перечисляются возможности, которые будут доступны студенту при поступлении в СПбГЭУ, при этом речь диктора дополняется визуальным рядом. Например, когда произносят *стипендия от работодателей*, в ролике появляется человек с телефоном, на котором открыто приложение банка, *насыщенная студенческая жизнь* — три улыбающихся студента с книгами в руках. Персонаж в рекламе должен показать свою причастность к целевой аудитории, поэтому на изображениях представлены студенты в очках, люди с книгами в руках или студенты в одежде, которая воспринимается как атрибут выпускника университета.

Стратегию дискурсивного позиционирования в проанализированных рекламных текстах вузов реализует тактика самопрезентации субъекта воздействия. Например:

ЧелГУ — это больше чем вуз (Челябинский государственный университет). С помощью сравнения конкретный вуз выделяется на фоне остальных, подчеркивается его исключительность.

Тактика самопрезентации реализуется также в следующем высказывании: *Путь к успеху начинается здесь!* (филиала Самарского государственного университета путей сообщения в Нижнем Новгороде). Внимание адресата акцентировано на том, что он обязательно добьется успеха, окончив данный вуз. См. также: *Хочешь учиться в лучшем нефтегазовом вузе страны? Приходи на прямой эфир УГНТУ и узнай — как поступить на бюджет и получить интересную профессию* (Уфимский государственный нефтяной технический университет). Рассматриваемая тактика реализуется с помощью оценочного прилагательного *хороший* в форме превосходной степени и прилагательного *интересный*, в контексте реализующего значение «возбуждающий интерес, занимательный, любопытный» [19, с. 303].

4. Итак, проведенный анализ позволил установить, что для привлечения внимания адресатов в рекламе российских вузов используются информационно-формирующие и оптимизирующие коммуникативные стратегии. Из информационно-формирующих стратегий часто представлены стратегии ассоциирования и диссоциирования, из оптимизирующих — стратегии прямого влияния на процесс принятия решений, управления вниманием, управления критичностью восприятия, а также мнемоническая стратегия. В исследуемом материале были отмечены также стратегии управления декодированием и интерпретацией, дискурсивного позиционирования. Каждая из этих стратегий может быть реализована с помощью разных тактик, и, наоборот, разные тактики, охарактеризованные в статье, могут соотноситься с разными стратегиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохина, Т. Р. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в сети интернет: на примере сайтов туристических путеводителей и гидов / Т. Р. Блохина, И. В. Лохтина // Современное педагогическое образование. — 2023. — № 7. — С. 183–188.
2. Броженко, С. В. Стратегии и тактики речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале рекламных текстов банковских услуг) / М. В. Броженко // Вестник ЧелГУ. — 2011. — № 3. — С. 11–15.
3. Булатова, А. В. Цветовая культура в рекламе / А. В. Булатова, С. В. Мельникова // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы: материалы всероссийского (с международным участием) научно-методического семинара (г. Екатеринбург, 13 — 15 марта 2019 г.). — Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2019. — С. 34–41.
4. Горячев, А. А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 — Теория языка / Горячев Алексей Александрович. — СПб., 2010. — 296 с.
5. Данилевская, Н. В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта, 2003. — С. 657–660.
6. Ерохина, Е. Г. К содержанию понятия «Речевая стратегия» в исследовании письменного дискурса / Е. Г. Ерохина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2014. — № 2 (27). — С. 217–281.
7. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: URSS, 2008. — 288 с.
8. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации / В. Б. Кашкин. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. — 175 с.
9. Клещенко, М. Е. Коммуникативные стратегии и тактики в рекламном трэвел-медиа-тексте / М. Е. Клещенко // Молодой ученый. — 2022. — № 9 (404). — С. 215–217. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/404/89245/>
10. Копнина Г. А. Речевое манипулирование / Г. А. Копнина. — М.: Флинта, 2017. — 170 с.
11. Крылова, О. А. Социальная реклама и речевые стратегии. Понятие и виды речевых стратегий / О. А. Крылова, Т. Б. Радбиль // Теория и практика современной науки. — 2020. — № 5 (59). — С. 479–484.

12. Лещев, К. В. Реализация коммуникативных стратегий через речевые тактики в англоязычном рекламном дискурсе (на материале рекламы автомобилей) / К. В. Лещев // Современные научные исследования и инновации. — 2020. — № 10. — Режим доступа: <https://web.snauka.ru/issues/2020/10/93684>
13. Макаров, Л. М. Основы теории дискурса / Л. М. Макаров. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
14. Молявина, Е. А. Коммуникативная стратегия: природа, классификация и прагматика / Е. А. Молявина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2022. — № 7 (862). — С. 94–99.
15. Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации / Ю. К. Пирогова. — Режим доступа: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogoва/>
16. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук; Ваклер, 2001. — 656 с
17. Седых, А. П. К вопросу о стратегиях и тактиках в институциональном дискурсе / А. П. Седых, М. И. Шевченко // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2015. — № 1. — С. 26–31.
18. Терских, М. В. Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы / М. В. Терских // Научный диалог. — 2020. — № 4. — С. 164–175.
19. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2011. — 1175 с.
20. Труфанова, И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Филологические науки. — 2001. — № 3. — С. 56–65.
21. Тяллева, И. А. Коммуникативные стратегии и тактики современного англоязычного рекламного дискурса / И. А. Тяллева, М. Г. Марченко // Academy. — 2020. — № 3 (54). — С. 51–54.

Поступила в редакцию 20.03.2024 г.

О. А. Попова

COMMUNICATION STRATEGIES IN UNIVERSITY ADVERTISING

The article describes the results of a study of advertising texts of Russian universities. The materials for the study were advertising messages posted on the websites of educational institutions and/or in the mass media. The structure of the communication strategies that are most often used in university advertising was determined in this article. The tactics that form the selected strategies were established here. The verbal and non-verbal instruments by which the identified strategies and tactics are implemented were also characterised.

Key words: *advertising, advertising text, communication strategy, communication tactics.*

Попова Ольга Алексеевна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.
Студент.
E-mail: popova_olga_volsu@mail.ru

Popova Olga Alekseevna.

Volgograd State University, Volgograd, RF.
Student.
E-mail: popova_olga_volsu@mail.ru

Сафонова Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.
Доцент кафедры русской филологии и
журналистики.
E-mail: ia_safonova@volsu.ru

Safonova Irina Aleksandrovna.

Candidate of Philology.
Volgograd State University, Volgograd, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.
E-mail: ia_safonova@volsu.ru

УДК 811.161.1.28

Д. А. Селезнева © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. К. И. Декатова)

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются фразеологические неологизмы, имеющие своей деривационной основой рекламный текст. Фразеологические неологизмы изучаются как средство выражения оценки. Анализируется оценочная семантика данных единиц языка, рассматриваются ее модификации. В ходе исследования были выявлены причины, повлиявшие на изменения оценочного значения компонента. Это позволит лучше понять механизмы формирования новых фразеологических единиц и их роль в современном языке.

Ключевые слова: фразеологический неологизм; фразеологическая неология; рекламный текст; оценочный компонент; фразеологическая единица.

Рекламный текст на протяжении многих лет интересует исследователей маркетинга, психологии, культурологии, языкознания. В работах таких ученых, как О. В. Орлова, Е. В. Ромат, Ф. Котлер и др., рассматривается рекламный текст как средство воздействия на потребителей, исследуется структурная организация текста рекламы. Немало исследований посвящено рассмотрению языка как средства манипуляции (К. И. Декатова, Р. Н. Ибатуллин и др.) и изучению особенностей использования языка в рекламе (А. А. Романов, Е. В. Малышева, О. В. Новоселова и др.).

Рекламный текст помимо того, что характеризует продукцию с положительных сторон, чтобы привлечь к ней внимание потребителей, еще и дает ей ту или иную оценку, формируя необходимое отношение людей к товару или услуге, что влияет и на приобретение рекламируемого объекта. В психологических трудах отмечается, что предварительная оценка способна составить определенное мнение и повлиять на отношение к тому или иному описанному объекту без знакомства с ним лично [7, с.33]. Именно этот психологический факт берут за основу копирайтеры при разработке текстов рекламы, компоненты которых в своей основе имеют прагматические свойства, делающие рекламу эффективной [9, с.71].

В лингвистике существует немало исследований, посвященных рассмотрению оценочного компонента значения, оценочной лексики, способов формирования и выражения оценки в речи, влиянию оценочного компонента на сознание человека через текст (А. А. Водяха, К. И. Декатова, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. Н. Телия и др.). Н. Д. Арутюнова в работе «Язык и мир человека» [2] дает подробное определение оценки как лингвистического явления. Под **оценкой** исследователь понимает категорию, которая относится к человеческой среде и зависит от бытийной, чувственной, физической и психологической ее стороны. Как правило, оценка оказывает влияние на восприятие чего-то или кого-то, мыслительную деятельность и формирование отношения к чему-либо или кому-либо [2, с.5]. При этом оценка формируется не случайно, и с ее помощью выражается субъективность, проявляющаяся через эмоциональную, эстетическую, этическую составляющие, которые связывают субъект и характеризуемый объект [11, с.52]. Е. М. Вольф в работе «Функциональная семантика оценки» [4] указывала, что оценка затрагивает аксиологическую сторону человека и репрезентирует общественные ценности [4, с.11]. Оценка может быть постоянной и

временной [3, с.38], что зависит от постановки вопроса самого ее генезиса, на который в лингвистике нет единого мнения [6, с.64].

Оценочный компонент рекламного текста передается через соответствующие лексические средства, среди которых нередко наблюдается использование фразеологических единиц, которые уже изначально несут в себе ту или иную субъективность и экспрессивность [5, с.118]. Помимо этого нередко копирайтеры проявляют творческие способности и создают запоминающиеся фразы, которые укореняются в языке носителей и становятся устойчивыми выражениями, превращаясь во фразеологические неологизмы, хранящие в себе отсылку к известному объекту-источнику и делающие речь использующего их яркой, образной и иногда даже ироничной, благодаря чему может передаваться оценка к предмету разговора.

Фразеологические неологизмы в лингвистике не раз рассматривались в работах таких ученых, как Н. Ф. Алефиренко, Е. В. Гананольская, Н. З. Котелова, К. И. Декатова, И. Ю. Третьякова и др., которые указывали на способность данных новообразований выражать более полно эмоциональность и индивидуальность автора.

Целью нашей работы является анализ оценочного компонента значения фразеологических неологизмов, источником которых стал рекламный текст.

Материалом для рассмотрения и анализа оценочной составляющей фразеологических новообразований послужили рекламные тексты, содержащие сочетания слов с ярко выраженной оценочностью, которые стали устойчивыми в речи носителей языка, но еще не занесенными в словари.

В ходе исследования было выявлено, что большая часть фразеологических неологизмов, имеющих своей деривационной основой рекламный текст, **сохраняет изначальную положительную оценочную семантику** (около 85% от числа исследованных единиц), созданную копирайтерами с целью сформировать у потребителей позитивное отношение к рекламируемому объекту. Например, *управляй мечтой* — ‘все под силу, все в твоих руках’ (реклама автомобиля «Toyota»), *все будет в шоколаде* — ‘хорошо, отлично’ (реклама шоколадного батончика «Mars»), *Baunty* — *райское наслаждение* — ‘удовольствие в высшей степени’ (реклама шоколадного батончика «Baunty»), *бери от жизни все* — ‘жить в полную меру’ (реклама напитка «Pepsi») и др. Со временем такого рода слоганы фразеологизируются и появляются в речи носителей языка с расширенным значением, то есть начинают номинировать более широкий круг объектов. Данное явление можно объяснить желанием людей выразить свои приятные эмоции и ощущения, положительно оценить что-то или кого-то, но сделать это более ярко, образно, оригинально. Из-за того, что сочетание слов, взятое из рекламы, является новым, то и используется оно чаще пока с общеизвестной оценочной окраской.

Менее частотными, но более интересными являются фразеологические неологизмы, которые при функционировании в речи носителей языка **изменяют свой положительный оценочный компонент на отрицательный** (около 14% от числа исследованных единиц). Можно выделить несколько объяснений таких изменений: 1) потребность эвфемизировать свою речь, 2) стремление выразить иронию по отношению к объекту разговора, 3) желание породить косвенные виндиктивные высказывания.

1) Желание эвфемизировать речь возникает с целью замены нейтральной лексикой грубых, бранных, неприличных и неуместных слов и выражений [8, с.202]. Бранная лексика позволяет человеку более полно и ярко выразить свои эмоции, передать какие-либо ощущения, дать чему-то или кому-то оценочную характеристику, однако не во всех ситуациях она бывает уместной, поэтому в языке появляются единицы с нейтральной лексикой, но скрывающие намек или подразумевающие что-то бранное и неприличное. В этом помогает и реклама, являющаяся источником запоминающихся фраз, которые

нередко из-за своей общеизвестности наполняются носителями языка дополнительным смыслом, имеющим не всегда культурный и близкий к первоисточнику подтекст и оценку.

Одним из примеров изменения оценочного компонента фразеологического неологизма является слоган из рекламы фруктовых жевательных конфет «Juicy Fruit» *получи **полный бананас!*** В рекламном тексте данная фраза имеет значение ‘насыщенность бананового вкуса в рекламируемой конфете’. Оригинальность фразы привлекла внимание носителей языка, запомнилась и стала фразеологическим неологизмом, но с противоположной оценкой и иным значением ‘безвыходная ситуация в высшей степени’, что позволило эвфемизировать выражение с идентичным значением. Данная эвфемизация произошла в результате совпадения компонента *полный* и таких морфологических категорий существительного, как род (мужской) и число (единственное), что позволило легко породить литературный, приемлемый во всех коммуникативных ситуациях эквивалент со скрытой негативной окраской и ассоциативной отсылкой к нелитературному выражению.

Подобное изменение оценочности наблюдается и в рекламном слогане сотовой связи «Tele 2» *подключи **полное Tele 2***, где сочетание слов *полное Tele 2* используется в значении ‘максимальный пакет услуг рекламируемой сотовой связи’. Носителям языка понравилось это выражение удачным согласованием прилагательного *полный* с существительным в среднем роде и единственном числе, что привело к появлению фразеологического неологизма со значением ‘максимально что-то плохое’, который стал эвфемизмом нелитературного выражения с таким же значением.

2) Фразеологические неологизмы, оценочность которых изменяется для создания иронии, ярко выражают личность говорящего. Как отмечают исследователи, ирония — тонкая и скрытая насмешка, содержащая видимый и скрытый смысл, в котором как раз и существует авторская позиция по отношению к объекту оценки [1, с.135]. Ироничность оценки смягчает ее отрицательность и негативность, сохраняет доброжелательные отношения между коммуникантами, а также вносит в напряженную ситуацию общения легкость и непринужденность, оставляя положительные впечатления.

Ярким примером изменения оценочного компонента фразеологического неологизма с целью создания иронии является рекламный слоган подгузников «Libero» *я **пью и писаю***, который в рекламе использовался в значении ‘быстро впитывать влагу’. Рекламная фраза запомнилась носителям языка, поэтому появилась в речи, но только в ином значении и с противоположной оценкой — ‘бездельничать’. Именно в этом значении данная языковая единица появилась в пародиях на описанную рекламу, одну из которых сделали российские актеры и пародисты Ю. Стоянов и И. Олейников в телепередаче «Городок»: один из героев — это будто выросший малыш из рекламного ролика, который, став уже взрослым, продолжает делать только те действия, которые он делал в младенчестве в рекламе. Изменение оценки фразеологического неологизма можно объяснить наличием в единице компонента *писаю*, который придает негативные оттенки образу из-за описания физиологических потребностей, считающихся в народе чем-то постыдным.

Из рекламы шоколадного батончика «Twix» ***сладкая парочка Twix*** в народ вышло полюбившееся сочетание слов *сладкая парочка*, которое в рекламном тексте имеет значение ‘неразлучные партнеры’. В речи носителей языка фразеологический неологизм изначально тоже сохранял положительную коннотацию, но с более узким значением ‘неразлучные влюбленные партнеры’. Однако позже появилось ироничное значение при наименовании двух неразлучных друзей, которые попадают в какие-то смешные истории или сами их создают в своей жизни. Особенно часто такое употребление

фразеологического неологизма наблюдается в школьной среде, где учителя дают данное наименование друзьям-болтунам, сидящим на последней парте и срывающим урок.

Интересна история формирования значения и оценки рекламного слогана шоколадного батончика «SNICKERS»: *Не тормози — сникерсни!* В рекламе анализируемое выражение используется в значении 'действуй, не останавливайся, иди вперед'. Полюбившийся и запомнившийся слоган стал фразеологическим неологизмом, который изначально сохранял первичную оценочную окраску и значение. Но позже стали появляться мемы, которые иллюстрировали отрицательную оценку в значении фразеологизированного призыва. Например, это происходит в меме, содержащем фотографию полного человека, который ночью сидит около раскрытого холодильника и что-то ест в большом количестве. Фразеологизированный рекламный слоган *Не тормози — сникерсни!* звучит в этом меме как призыв к дальнейшему чревоугодию (см. рис. 1). Такого рода феномен некоторые исследователи называют антирекламой [10, с.89]. Следующий этап развития значения фразеологического неологизма *Не тормози — сникерсни!* начался после того, как потребители этого продукта задумались над этимологией непонятого слова *сникерсни*. Ими было выявлено, что в английском языке существует слово *snickersnee*, которым называли народный ножевой бой, что повлияло и на появление очередных мемов с данным фразеологическим неологизмом в ироничном отрицательном значении, где призыв к действию звучит как призыв к бою (см. рис. 2). После распространения информации о народной этимологии компания «SNICKERS» в своем официальном обращении заявила об отсутствии родства между словом *сникерс* и подобным ему английским вариантом, объясняя это тем, что причиной такого сходства является простое созвучие.

Рис. 1. Мем с фразеологическим неологизмом «не тормози — сникерсни»

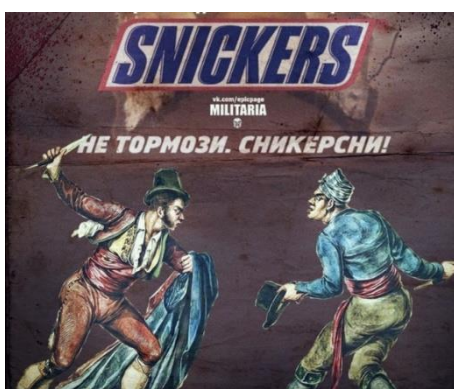

Рис. 2. Мем с фразеологическим неологизмом «не тормози — сникерсни»

3) Косвенность vindictive речевого поведения продиктована желанием говорящего выразить угрозу мести так, чтобы об этом догадался только адресат, а все третьи лица остались в неведении и не заметили чего-то страшного [12, с.99]. Данная речевая тактика основана на использовании фраз, знакомых всем или хотя бы адресату, но употребленных в ином значении, которое рассчитано на правильное декодирование только той стороной, на которую она направлена. Такой прием позволяет говорящему в обществе выглядеть порядочным человеком, который никому не может сказать или сделать что-то обидное.

Одним из примеров косвенного vindictive высказывания является фраза из рекламного ролика жевательной резинки «Stimogol» *иногда лучше жевать, чем говорить*, которая в рекламе используется в значении 'рекламируемая жевательная резинка лучше слов, которые не всегда могут быть сказаны в нужное время'. В рекламном ролике данная фраза произносится в разговоре девушки с парнем, сказавшим

неуместные слова, а потом решившим взять попробовать жевательную резинку. Фраза из рекламы стала фразеологическим неологизмом и пополнила ряд устойчивых единиц со структурой «лучше..., чем...» (например, *лучше синица в руках, чем журавль в небе; лучше горькая правда, чем сладкая ложь; лучше поздно, чем никогда*). В результате фразеологизации значение выражения приобрело более абстрактный характер: фразеологизированный неологизм *лучше жевать, чем говорить* не номинирует действие, связанное с едой, а обозначает ситуацию, в которой 'если еще что-то нехорошее скажешь, то потом сильно пожалеешь'. Используя данную фразу в ситуации, не касающейся еды, носители языка стараются намекнуть на угрозу, которая будет понятна только адресату, т.к. он осознает, что сказал не то, что нужно, а известность фразы поможет скрыть явную угрозу от остальных присутствующих.

Менее частотным является наличие фразеологических неологизмов, имеющих своей деривационной основой рекламный текст, с **изначальной отрицательной оценкой, которая сохраняется** и в речи носителей языка (около 1% от числа исследованных единиц). Наличие отрицательной оценки в рекламе способствует повышению спроса на предложение, например, из-за сравнения с продукцией конкурентов, выставляющейся в невыгодном свете, или из-за осуждения тех, кто не использует рекламируемый товар и в результате этого не получает желаемого. Подобные фразеологические неологизмы перенимаются из рекламы, т.к. имеют готовую отрицательную коннотацию, которую легко применять в речи с целью выразить неодобрение, осудить, но сделать это в негрубой форме, возможно, привнеся в разговор элемент иронии из-за известности фразы, что поможет нивелировать напряженность ситуации.

В рекламе компании по пересаживанию волос «Real Trans Hair» используется в прямом значении фраза *а тебе, лысый, я телефон не скажу*, которая говорится в тот момент, когда герой рекламного ролика опоздал на свой самолет из-за лысого агента по регистрации, не поверившего в оригинальность документа, т.к. в нем было фото человека без волос, а проверяемый был с волосами. Герой рекламы, используя данную фразу, выражает недовольство сложившейся ситуацией и в знак обиды переходит на критику внешности проверяющего, показывая этим, что агент регистрации теперь не сможет узнать об эффективном средстве, позволяющем избавиться от такого недостатка, как лысина. Данная фраза запомнилась народу и понравилась саркастическим смыслом, в результате чего стала фразеологическим неологизмом, используемым в значении 'ты не нравишься мне, поэтому не получаешь моего расположения' без учета наличия или отсутствия лысины у человека, т.е. ушла отсылка к внешности и увеличился круг адресатов, которым может даваться данная отрицательная оценка.

Таким образом, использование фразеологических неологизмов, имеющих своей деривационной основой рекламный текст, способствует яркости высказывания, отражению авторской личности и выражению эмоций и оценки к объекту разговора. Большая часть подобных фразеологических неологизмов используется без изменения изначальной оценочной семантики, что объясняется стремлением достичь желаемого эффекта на основе уже готовой и известной фразы. Но имеются и такие фразеологические неологизмы, которые меняют первоначальную оценочную окраску на противоположную с целью эвфемизировать высказывание, выразить иронию по отношению к объекту разговора или породить косвенные vindиктивные высказывания, что помогает преподнести критику в мягкой форме и убрать напряженность сложившейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова И. А., Филимонова Н. Г. Авторская ирония и ирония от персонажей в английской художественной литературе // Научный альманах. — №4-3(66). — 2020. — С.134–136.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. — 896с.

3. Волобуева О. Н. Оценочный компонент в семантической структуре фразеологизмов интеллектуальной сферы // Вестник Челябинского государственного университета. — №11(192). — 2010. — С.38–41.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
5. Декатова К. И. Политические фразеологические неологизмы // Известия ВГПУ. филологические науки. — №2(155). — 2021. — С.117–121.
6. Декатова К. И. Политическая фразеология: структурно-семантические, когнитивные и функциональные исследования: монография. — Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2023. — 213с.
7. Жалагина Т. А., Соколова А. С. Психологические основы успешности профессиональной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — №4. — 2013. — С. 31–37.
8. Жаманкулова Г. Табу и Эвфемизм как взаимосвязанные понятия в культуре языка // Вопросы устойчивого развития общества. — №6. — 2020. — С. 201–205.
9. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. — М., 1971. — 267 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации // Вопросы лексикографии. — № 25. — 2022. — С. 81–107.
11. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. — Минск: МГЛУ, 2013. — 132с.
12. Чесноков И. И. Когнитивно-коммуникативные параметры виндиктивного дискурса // Известия ВГСПУ. — № 2 (115). — 2017. — С. 93–101.

Поступила в редакцию 03.03.2024 г.

D. A. Selezneva

THE EVALUATIVE COMPONENT OF THE MEANING OF PHRASEOLOGICAL NEOLOGISMS IN ADVERTISING TEXTS

The article discusses phraseological neologisms that have an advertising text as their derivational basis. Phraseological neologisms are studied as a means of expressing evaluation. The evaluative semantics of these language units is analyzed and its modifications are considered. During the study, the reasons that influenced the changes in the estimated value of the component were identified. This will allow us to better understand the mechanisms of formation of new phraseological units and their role in the modern language.

Key words: *phraseological neologism; phraseological neology; advertising text; evaluative component; phraseological unit.*

Селезнева Диана Андреевна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, РФ.
Магистрант.
E-mail: seleznyova.diana1999@yandex.ru

Selezneva Diana Andreevna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Undergraduate student.
E-mail: seleznyova.diana1999@yandex.ru

Декатова Кристина Ивановна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: dekatovaki@mail.ru

Dekatova Kristina Ivanovna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods.
E-mail: dekatovaki@mail.ru

УДК 81'25

М. И. Коротченко © 2024

*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. С. Н. Стародубец)*

ИДИОЛЕКТ РЕСПОНДЕНТА ВЕТКОВСКОГО РАЙОНА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Цель данного исследования заключается в установлении идиолектных черт языковой личности респондента диффузного говора. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: рассмотрение подходов к определению языковой личности в рамках лингвистической науки; определение понятия «идиолект респондента диффузного говора»; выявление особенностей идиолекта А. А. Коротченко. Результаты исследования позволяют утверждать, что идиолект респондента А. А. Коротченко является частью диалектной системы региона, в котором она проживает. Речь Коротченко А. А. характеризуется теми же особенностями, которые характерны для говора в целом.

Ключевые слова: лингворегионоведение, языковая личность, идиолект, диффузный говор, респондент.

На протяжении многих веков не угасал интерес человека к природе языка. Одним из первых, кто исследовал этот вопрос в лингвофилософском ключе, был В. фон Гумбольдт, автор учения о языке как непрерывном творческом процессе, выражающем индивидуальное мирозерцание народа.

В настоящее время внимание лингвистов к языку как выразителю «духа народа» проявляется и в том, что современная лингвокультурология мотивировала развитие лингворегионоведения как нового направления современной лингвистики, близкого к не менее важному лингвокраеведению. Всё это привело к необходимости, с одной стороны, зафиксировать в качестве объекта изучения «языковую ситуацию региона, отмеченного лингвокультурной спецификой» [5, с. 36], с другой — обратить внимание на феномен «региональной языковой личности», комплекс признаков которой обусловлен региональным речевым дискурсом.

В гуманитарном научном освещении проблема личности человека рассматривается, прежде всего, в философии, антропологии, этнографии, культурологии, социологии, психологии, лингвистике и др. В лингвистических науках данная проблема поднимается в работах А. Н. Баранова, И. А. Бубновой, Г. И. Богина, В. В. Виноградова, И. В. Зыковой, Ю. Н. Караулова, В. И. Карасика, В. В. Красных, А. А. Леонтьева, В. В. Наумова, К. Ф. Седова, Л. О. Чернейко, В. И. Шаховского и др.

Отметим, что в лингвистических исследованиях ключевой вклад в развитие теории языковой личности принадлежит Ю. Н. Караулову, который считает, что языковая личность есть совокупность признаков / качеств / характеристик человека, обуславливающих создание им речевых текстов [4, с.38]; это личность, выраженная в языке, речи, тексте, коммуникации, дискурсе, <...> личность, реконструированная в основных своих особенностях при помощи языковых средств / выражений [4, с. 38].

В своей концепции исследователь выделил три уровня анализа языковой личности:

- а) вербально-семантический (на данном уровне рассматриваются слова и их значения в речевом общении говорящего);

- б) лингвокогнитивный (на данном уровне анализируются концепты, образы и др.);

в) мотивационный (этот уровень отвечает на вопрос, с какой целью говорящий использует в своем тексте именно эти слова, какую мысль автор хочет выразить в порожденном тексте) [4, с. 210].

Таким образом, под языковой личностью понимается совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью отражения действительности; 3) определенной целевой направленностью.

Рассматривая понятие языковой личности, лингвисты выделяют характеристики данного термина: связь с возрастом, связь со временем, связь с полом, связь с социальной группой, связь с профессией, связь с интеллектом, связь с языковой компетенцией. Анализ этих характеристик способствует пониманию речевой ситуации или текста, отвечает на вопрос, как происходит отбор языковых средств в определенных условиях.

В современной отечественной лингвистической науке проводятся обширные исследования, посвященные вопросам изучения русской языковой личности на примерах конкретных регионов. Необходимо отметить работы В. И. Теркулова и С. А. Кошарной, которые внесли значительный вклад в научную разработку данных вопросов. В. И. Теркулов выделяет причину возникновения региолектов: взаимодействие на территории позднего заселения языков и наречий мигрантов. Так возникает диффузный региолект, минующий стадию диалектного существования. В его основе лежит стабилизационная «революционная» интегративная унификация системы миграционных идиомов. Мигранты в процессе создания нового территориального субэтнического единства осуществляют своего рода языковую селекцию: выбирают, принимают и абсолютизируют те языковые черты, которые либо являются общими для большей части взаимодействующих идиомов, либо делают речь удобной, выразительной, либо присущи наиболее авторитетным представителям нового языкового сообщества, либо отражают важные для формирующейся новой ментальности концепты [12, с. 21–22]. Диффузным говором В. И. Теркулов считает разновидность языка, используемую, как правило, небольшой территориально связанной частью носителей литературного языка [12, с. 21].

С. А. Кошарная вводит в научный оборот термин «регионим», которая понимается как особая единица диалектного членения — региолекта. Регионимы — это территориально ограниченные, но широко употребительные в данном конкретном регионе слова с наличием в них ареальных (диалектных) черт. С.А. Кошарная убеждена, что статус регионима может быть присвоен элементу местной речи при условии, что его изоглосса очерчивает территорию, включающую не менее трети районов области [5, с. 6].

Также большое внимание уделяется данному вопросу и в сборнике докладов участников Международного научно-просветительского форума «Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье», которые представляют научные достижения исследователей в области изучения лингвокультурной ситуации в славянском пограничье [3].

Стародубец С. Н. отмечает, что западно-брянский региолект как «объединённое языковое пространство» возник на стыке разноязычных территорий — России, Беларуси и Украины, — представляет собой южновеликорусский локус, базовой характеристикой которого является наличие диалектных, просторечных и разговорных черт, смежных с белорусским и украинским языками и диалектами [11, с. 9].

Исследователи едины во мнении, что региональная языковая личность есть уникальное явление смешанной лингвокультуры, отражающей всю многогранность языковой ситуации, а исследование языковой картины мира региональной языковой

личности позволит описать типы идиолектов носителей смешанного языка в зависимости от степени приближения к литературному языку.

С. Н. Стародубец отмечает важность введения и в учебные программы регионального компонента, «который необходим для полной реализации принципа органического соединения образовательных и воспитательных задач филологического образования. Концепция языка как лингво-культурно-исторического феномена создает фундаментальную основу для развития филологической регионалистики (включающей литературную и лингвистическую регионалистику) в вузе, сузе и школе» [11, с. 6].

«Обращаясь к проблеме речевого портретирования информанта фольклорных текстов, нельзя не затронуть вопрос, связанный с проявлением личностного начала в традиционной культуре. В частности, в фольклоре отмечается существование различных трактовок субъекта народной культуры, что обусловлено его двойственным характером: совокупностью, собирательностью авторского начала в произведениях устного народного творчества, с одной стороны, и безусловным наличием исполнителя, с другой» [11, с. 5].

Диалектная речь жителей Ветковского района Гомельской области может быть описана с точки зрения акцентологических, фонетических, лексических и морфологических особенностей. Для определения и анализа названных особенностей было проведено интервьюирование жительницы деревни Неглюбка Ветковского района Гомельской области — Коротченко Анны Афанасьевны. Родилась в поселке Репище в 1941 году. Окончила 4 класса средней школы.

Обратим особое внимание на лексический аспект и проведем анализ с использованием «Брянского областного словаря» под ред. Н.И. Курганской [2] и «Словаря народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева [10], так как согласно диалектологической карте русского языка 1915 года Ветковский район входит в состав говоров, переходных от белорусских к южновеликорусским, а, следовательно, включает в себя черты обеих групп.

В речи респондента ключевым является слово *кут* в значении «угол» («*Вёрбы веточки тые хранили ў сарае, на куте хранили*»). Обращаясь к Словарю П.А. Расторгуева, мы обнаружили аналогичное значение: «парадный угол в комнате, в избе. *Богатую — да на кут содють*» [10, с.145]. В Брянском областном словаре приводится следующее толкование: «Правый угол комнаты, где находились иконы. *К празднику украшали кут березовыми ветками*» [2, с.183].

Употребительным является диалектное слово «тепло» в значении «костер» («*Да, палили на Хрящённе, палили тяпло*»). Такое же значение фиксируем и в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» [10]. В «Брянском областном словаре» представлено два значения этого слова: «1) То же что и теплина. *Давай-ка развядём тяпло, абагреимся.* 2) Лампа. *Запали тяпло, а то тёмна ужо*» [2, с. 339].

Также встречается диалектная лексема «сёлето» в значении «в этом году». В словаре П.А. Расторгуева данное слово не встретилось. В «Брянском областном словаре» наблюдается такое же значение: «в этом году. *Сёлита малако наша жыткавата, летась жырней было*» [10, с. 309]

Когда Анна Афанасьевна рассказывала о святочном обряде на Колядки, то уникальным, на наш взгляд, было употребление номинации «ляски», в значении «игра» (*Ну вобшим так, ничоуа не делали в Коляды, только ууляли ў ляски. А ў ляски як ууляли. Во руку ложили на сьпину и ляпали ужо. Нада было ууадать кто ляпая*). В «Брянском областном словаре» данное диалектное слово не встречается. А в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» П.А. Расторгуева встречается слово «ляскаўка», которое имеет схожее значение: «игра. Была распространена в 60-70-годах XIX в.: парни и девушки по вечерам собирались в избу; одна из девушек становилась на кровать на

колени лицом к стене и наклонялась всем туловищем так, чтобы не видеть, что делается в избе. Один из парней брал в руки лубок (лубяное лукошко без дна) и ударял им девушку, а та должна узнать, кто из парней ударил ее) [10, с. 153].

На фонетическом уровне были выделены следующие особенности:

1) аканье, характерное для южновеликорусского наречия: *папад́а́я, благапалу́чка, скаро́мный* и др.;

2) яканье в первом предударном слоге: *пьяќлі́, бяру́ть, нясли́ся, звязду́* и др. С.М. Пронченко отмечает, что о данном фонетическом процессе говорил и П.А. Расторгуев в работе «Северо-великорусский говор: Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров». Проанализировав данный труд, исследователь приводит наиболее яркие примеры данного явления: *дбяру́ть, адья́ліся, брявно́, бяда́, васкрясéння, вярхо́м, вясéлля, ўляде́ла., ўняза́да, дацяну́ла, дяві́шник, дяржа́ли* и др. [8, с.41];

3) произнесение на месте литературного г [γ]: *саракаво́га, гото́вали, ў го́рику, ууля́ли* и др. В своей работе «Диалектные особенности в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области (по материалам полевых исследований)» [7] Пронченко С.М. отмечает что данное явление характерно для украинского языка;

4) произнесение под ударением на месте орфографического е [э], вследствие чего происходит отверждение предшествующего согласного: *хрэ́щики, ў дярэ́вне, гарэ́лку* и др. На эту особенность указывает П. А. Расторгуев: «...не менее характерная для говора черта — отверждение звука р пред гласными переднего ряда, т.-е. пред э и і; в положении же р пред другими гласными, а также в большинстве случаев пред согласными, кроме ј, и на конце слова сохраняется мягкий р. Явление это свойственно говору сёл и деревень и отличает северско-белорусский говор от других говоров белорусского языка» [9, 42];

5) произнесение белорусского [ў] на месте орфографических в, л: *ўсе́, игра́ў, ўся́кие* и др.;

6) утрата йота в положении между согласным и гласным: *благополу́чка, Хря́цэ́нне, страда́ння* и др. Такое явление наблюдается как в украинском, так и белорусском языке [8, с. 601];

7) замена орфографического [и] на [ы], вследствие чего происходит отверждение предшествующего согласного: *уры́шка, тры, вары́ли* и др.

Морфологические особенности в речи информанта обнаруживаются в употреблении:

1) окончания 3 л. ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени на мягкое –ть: *бяру́ть, даю́ть, могу́ть*;

2) у возвратных глаголов в 1 л. мн. ч. на конце слова, вместо постфикса –сь постфикса –ся ([сá]): *бі́ліся, весялі́ліся, забы́лася*. С.М. Пронченко отмечает, что данное явление присутствует в белорусском и украинском языке [8, с.602].

3) другой формы наречия *тогда* [тады].

Все вышеперечисленные явления обусловлены «явлением, которое называется языковой интерференцией — взаимовлиянием (в нашем случае) трёх восточнославянских языков — русского, белорусского и украинского» [8, с.604].

Соответственно *идиолект респондента диффузного говора* представляет собой совокупность особенностей речи отдельного носителя говора, в которой совмещаются признаки нескольких диалектов и/или языков. Полагаем, что при описании системных признаков региолекта, следует говорить об идиолекте респондента применительно к региолекту.

Речь жительницы Ветковского района Гомельской области характеризуется совокупностью черт, которые характерны для южновеликорусского наречия. Так, в речи

обнаруживаются фонетические особенности, среди которых произнесение белорусского [ŷ] на месте орфографических в, л; утрата йота в положении между согласным и гласным и др. Отмечены ключевые грамматические особенности: употребление окончания 3 л. ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени на мягкое –ть; возвратных глаголов с заменой постфикса –сь постфиксом –ся ([câ]).

В результате уникального расположения территории, на которой проживает респондент, мы обнаружили влияние как украинского, так и белорусского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белугина О. В. Речевой портрет информанта в фокусе славянского обрядового текста (особенности семантической характеристики) / О. В. Белугина, С. Н. Стародубец // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : сборник докладов участников Международного научного форума, Новозыбков, Брянская область, 23–26 октября 2019 года / Под редакцией С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. — Новозыбков, Брянская область: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2019. — С. 296–299. — EDN PWKNNV.
2. Брянский областной словарь / авт.-сост. : Е. П. Гарбузова, Т. И. Клименко, М. Н. Кобытеева, Н. И. Курганская, Л. Т. Лошманова ; отв. ред. Н. И. Курганская. — Изд. второе, испр. и доп. — Брянск : РИО БГУ, 2011 — 361 с.
3. Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье: сборник докладов участников Международного научного форума Под редакцией С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова, С. М. Пронченко. — Киров: ООО «Издательство «Аверс», 2019. — 709 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. — 259с.
5. Кошарная С.А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). Вып. 34. С. 14–25.
6. Новикова Т. Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. — 76 с.
7. Пронченко С. М. Диалектные особенности в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области (по материалам полевых исследований) / С. М. Пронченко. — Текст : непосредственный // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24 — 26 мая 2018 г.) / под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. — Брянск : ООО "АВЕРС", 2018. — С. 598 — 604. — Текст : непосредственный
8. Пронченко С. М. Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области : сборник материалов полевых исследований / С. М. Пронченко, М. А. Мухина. — Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2016. — 207 с. — ISBN 978-5-00105-031-5. — Текст : непосредственный.
9. Расторгуев П. А. Северско-белорусский говорор : исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров / П. А. Расторгуев ; [Институт белоруской культуры. Аддзел мовы і літаратуры]. — Л. : Издание ин-та белорусск. культуры, 1927. — 224 с.
10. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины : материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев / Авт.вступ. статьи Н. Д. Расторгуева и Е. М. Романович. АН БССР. Ин-т языкознания им. Якуба Коласа. — Минск : Наука и техника, 1973 — 295 с. — Текст : непосредственный.
11. Стародубец С. Н. Специфика определения статуса устной разновидности национального языка юго-западных районов Брянской области / С. Н. Стародубец // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : Материалы Международного форума русистов, Новозыбков, 24–26 мая 2018 года / Под редакцией С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтова. — Новозыбков: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Аверс», 2018. — С. 5–10. — EDN XVXTRR.
12. Теркулов В. И., Курмакаева Н. П., Мозговой В. И. Донецкий региолект. Фонд «Русский мир», Государственное профессиональное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет». — Донецк: Фолиант 2018. — 264 с.

Поступила в редакцию 09.03.2024 г.

M. I. Korotchenko

**THE IDIOLECT OF THE RESPONDENT OF THE VETKOVSKY DISTRICT
GOMEL REGION**

The purpose of this study is to establish the idiolect features of the linguistic personality of the respondent of a diffuse dialect. To achieve this goal, the following tasks are solved: consideration of approaches to defining a linguistic personality within the framework of linguistic science; systematization of approaches to determining the idiolect of a respondent of a diffuse dialect; to identify the features of the dialect inherent in Korotchenko A.A. The results of the study suggest that the presented respondent is part of the dialect system of the region in which she lives. The same features that are characteristic of the dialect in general characterize the speech of A.A. Korotchenko.

Keywords: *linguistic regional studies, linguistic personality, idiolect, diffuse dialect, respondent.*

Коротченко Маргарита Ивановна

Филиал БГУ имени академика И.Г. Петровского в
г. Новозыбкове, РФ.

Студент.

E-mail: margaswag@yandex.ru

Korotchenko Margarita Ivanovna

Branch of the BSU named after Academician I.G.
Petrovsky in Novozybkov, RF.

Student.

E-mail: margaswag@yandex.ru

Стародубец Светлана Николаевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Филиал БГУ имени академика И. Г. Петровского
в г. Новозыбкове, РФ.

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Starodubets Svetlana Nikolaevna.

Doctor of Philology, Professor.

Branch of BSU named after academician
I. G. Petrovsky in Novozybkov, RF.

E-mail: starodubets.madam@yandex.ru

Словообразование и грамматика

УДК 81'373.611

А. А. Лашко © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ АББРОКОНСТРУКТА БУХ- И АДЪЕКТИВА БУХГАЛТЕРСКИЙ

В предлагаемой статье рассматриваются особенности значений относительных прилагательных при их трактовке через семантику мотивационно связанных с ними релятивов. Описаны принципы интерпретации семантики адъектива *бухгалтерский* и абброконструкта *бух-*, представлены базовые трактовки значения абброконструкта. Описано соотношение значений адъектива и его производящего, раскрыто понятие «дешифровальный стимул», «презентатив», «релятив» и «модификатив», отмечается множественная эквивалентность прилагательного *бухгалтерский* и абброконструкта, представлены методики интерпретаций семантики абброконструкта и прилагательного.

Ключевые слова: абброконструкт, дешифровальный стимул, полисемия, презентатив, релятив, модификатив

Целью работы является определение принципов, при помощи которых на основе сопоставления значений презентативов и релятивов можно определить семантику абброконструкта *бух-* и адъектива *бухгалтерский* в гнездах эквивалентности аббревиатурной группы «бух-».

Объектом нашего исследования являются сложносокращённые слова, входящие в аббревиатурную группу «бух-». **Предметом** исследования является семантико-словообразовательная взаимосвязь презентативных и релятивных дешифровальных стимулов сложносокращённых слов, входящих в аббревиатурную группу «бух-».

Актуальность исследования определяется необходимостью создания методик описания значений презентативов и абброконструктов для словарных статей Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка.

Задачи:

- 1) уточнить понятие «дешифровальный стимул»;
- 2) представить ономаσιологическую типологию дешифровальных стимулов;
- 3) определить особенности взаимосвязи значения презентативных и интерпретативных трактовок абброконструктов и прилагательных;
- 4) установить признаки соответствия релятивов и презентативов на семантическом уровне.

Данное исследование осуществляется в синхронном подходе. В Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации принято разграничивать два подхода определения и описания сложносокращённых слов:

- ✓ диахронный;
- ✓ синхронный.

Е. А. Акулич отмечает, что если первый «предполагает установление первичности/вторичности словосочетания по отношению к сложносокращённому слову, то объектом второго, синхронного, подхода выступают текстовые эквиваленты сложносокращённого слова и их соотношение друг с другом и со сложносокращённым словом» [1, с. 448].

Синхронный подход применим к сложносокращенным словам, имеющим на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты. Они легко обнаруживаются при синхронном анализе текстов. В их число входят как диахронные аббревиатуры, так и квазиаббревиатуры, которые в результате псевдоунивербализации были развернуты в словосочетания. Существование таких отношений между словом и его эквивалентом оправдывается только синхронно, и поэтому мы называем такие единицы синхронными аббревиатурами.

Целью синхронного анализа является установление и описание отношений синхронной эквивалентности в пределах гнезда эквивалентности аббревиатуры.

Под отношениями синхронной эквивалентности понимается функционально-семантическое тождество и мотивационная соотносительность аббревиатуры и её конструкторов с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами.

Дешифровальный стимул (ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта» [2; с. 19], то есть как слово или сочетание слов, которые являются эквивалентами абброконструкта и могут быть использованы для его замены в эквивалентном словосочетании.

В Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации принято разграничивать два типа дешифровальных стимулов:

- презентативы;
- интерпретативы.

Интерпретативные дешифровальные стимулы уточняют семантику абброконструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу.

Среди интерпретативных ДС различаются **релятивные** и **модификационные** ДС.

К релятивам мы относим ДС, реализующие различную интерпретацию статуса выделяемого референта, который обозначен аббревиатурой, в пределах тождества определённой номинации.

В. И. Теркулов под релятивным ДС понимает «такой ДС, который использует семантику презентативного ДС с добавлением релятивной, актантной семантики существительного» [3, с. 147], например *бухотчёт* — *отчёт бухгалтера*; *бухгалтеров*, *бухгалтеры* — *услуги бухгалтеров*, *бухгалтерский* — *отдел бухгалтерии*; *бухгалтерский*, *бухгалтерский* — *баланс в бухгалтерии* и др.

Ономасиологический подход предполагает определение роли актанта в эквивалентном словосочетании, то есть слова, соответствующего сокращённому компоненту сложносокращенного слова, в пределах эквивалентного словосочетания. Такими словами в стимулах реляционного декодирования являются существительные, поскольку именно существительные выполняют в предложении актантную роль, под которой понимается роль элемента событийной пропозиции.

Разновидностью этого подхода является прогнозирование релятива с опорой на его семантику (толкование). Е. Н. Михайлова утверждает: «Прогнозирование релятива связано с наличием референта в толковании сложносокращённого слова и его актантной реализации в эквивалентном словосочетании» [4, с.246].

Модификационные дешифровальные стимулы содержат дополнительный ономасиологический признак, который отсутствует в структуре сложносокращённого слова составных аббревиатур, например: *бухгалтерский* — *отдел бухгалтерского учёта*; *бухгалтерский*, *бухгалтерский* — *счёт бухгалтерского*; *бухгалтерский* — *счёт в бухгалтерском*; *бухгалтерский* — *запись в бухгалтерском*; *бухгалтерский* — *запись в бухгалтерском*.

Модификационные эквиваленты формально более сложны, чем аббревиатура, и включают в свой состав дополнительный ономаσιологический признак, отсутствующий в структуре сложносокращённого слова [5, с. 13].

Презентативные дешифровальные стимулы реализуют основную/общую трактовку абброконструкта, указывающую на наличие у объекта определённого признака, например *бухучёт* — *бухгалтерский учёт*, *бухзапись* — *бухгалтерская запись*, *бухдело* — *бухгалтерское дело*.

Е. Н. Михайлова под презентативным дешифровальным стимулом понимает такой ДС, «который является носителем обобщённого значения, что позволяет использовать его в любой ситуации именования как абсолютный эквивалент сложносокращённого слова» [6, с.47].

К презентативным относятся дешифровальные стимулы, осуществляющие наиболее обобщённую (квалификативную) трактовку значения абброконструкта.

Так, в словосочетании *бухотдел* для трактовки абброконструкта используется прилагательное *бухгалтерский*, которое является средством расшифровки и в других эквивалентных парах, образованных сокращённым компонентом аббревиатуры *бух-*, например, *бухбаланс* — *бухгалтерский баланс*, *бухдело* — *бухгалтерское дело*, *бухучёт* — *бухгалтерский учёт*, *бухотчёт* — *бухгалтерский отчёт*. Таким образом, адъектив *бухгалтерский* является регулярным эквивалентом, частично совпадающим формально с абброконструктом *бух-* и тождественным значению данного абброконструкта.

Презентативные дешифровальные стимулы представляют собой прилагательные, в подавляющем большинстве случаев — относительные.

Е. А. Земская отмечала, что значение относительных прилагательных тождественно значению слов, от которых они образованы, а различие между ними состоит лишь в принадлежности к разным частям речи: «Прилагательное *автомобильный* имеет то же лексическое значение, что и существительное *автомобиль*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака» [7, с.185].

Аналогичную общую характеристику даёт относительным прилагательным и Л. Дюрович: «Их основным назначением является конвертировать соответствующие существительные, наречия, глаголы в синтаксическую функцию согласованного определения» [8, с.190].

Относительными прилагательные, будучи вторичными словами, чаще всего отсубстантивными дериватами, ориентированы в семантике на сущности, отражаемые их субстантивными базами — исходными существительными [9, с. 42].

Т. к. презентатив является простым прилагательным, а релятив определяет актантно-числовую семантику эквивалентов, нами констатируется возможность использования релятива для трактовки значения презентативного дешифровального стимула, а также сопоставления презентативных и модификативных ДС.

Сопоставив эквиваленты абброконструктов, возможно определить оттеночные значения прилагательных и расширить словарную статью абброконструкта *бух-* и адъектива *бухгалтерский*.

Так, опираясь на релятивную дешифровку *отдел в бухгалтерии* для ССС *бухотдел* можно определить значение конструктора *бух-* и адъектива *бухгалтерский* как «входящий в бухгалтерию», для ССС *бухучёт* при помощи релятивной трактовки *учёт в бухгалтерии* выделяется значение «проводимый в бухгалтерии» и др.

Рассмотрим в качестве примера значения, отмечаемые для абброконструкта *бух-* и прилагательного *бухгалтерский*:

№	ССС	Презентатив	Релятив	Значение
1.	<i>бухгалтерский отдел</i>	<i>бухгалтерский отдел</i>	<i>отдел бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «входящий в бухгалтерию»</i>
2.	<i>бухгалтерский баланс</i>	<i>бухгалтерский баланс</i>	<i>баланс в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «открытый в бухгалтерии»</i>
3.	<i>бухгалтерское дело</i>	<i>бухгалтерское дело</i>	<i>дело в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «находящийся в бухгалтерии»</i>
4.	<i>бухгалтерский документ</i>	<i>бухгалтерский документ</i>	<i>документ бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «принадлежащий бухгалтерии»</i>
5.	<i>бухгалтерский документ</i>	<i>бухгалтерский документ</i>	<i>документ в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «составленный в бухгалтерии»</i>
6.	<i>бухгалтерская запись</i>	<i>бухгалтерская запись</i>	<i>запись в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «сделанный в бухгалтерии»</i>
7.	<i>бухгалтерский счёт</i>	<i>бухгалтерский счёт</i>	<i>счёт бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «входящий в бухгалтерию»</i>
8.	<i>бухгалтерская отчётность</i>	<i>бухгалтерская отчётность</i>	<i>отчётность в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «находящийся в бухгалтерии»</i>
9.	<i>бухгалтерские услуги</i>	<i>бухгалтерские услуги</i>	<i>услуги бухгалтеров</i>	<i>бухгалтерский «предоставляемый отделом бухгалтеров»</i>
10.	<i>бухгалтерский счёт</i>	<i>бухгалтерский счёт</i>	<i>счёт в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «фиксирующийся в бухгалтерии»</i>
11.	<i>бухгалтерский учёт</i>	<i>бухгалтерский учёт</i>	<i>учёт в бухгалтерии</i>	<i>бухгалтерский «проводимый в бухгалтерии»</i>

Данная таблица позволяет определить семантическое соответствие презентативных и релятивных ДС, т. е. констатировать возможность использовать конструкцию с релятивом для интерпретации презентатива — адъектива.

В Толковый словарь русского языка Ефремовой выделяются следующие значения прилагательного *бухгалтерский*:

1. соотносящийся по знач. с сущ. бухгалтерия, бухгалтер;
2. связанный с бухгалтерией;
3. свойственный бухгалтеру;

4. характерный для бухгалтера.

Данное исследование помогло выявить оттеночные значения и расширить словарную статью прилагательного *бухгалтерский* и абброконструкта *бух-*, что и составляет результат исследования:

Бух-, Бухгалтерский, -ая, -ое. Принадлежащий бухгалтерии, соотносящийся с бухгалтерией, связанный с бухгалтерией, свойственный бухгалтеру, характерный для бухгалтера, открытый в бухгалтерии, находящийся в бухгалтерии, принадлежащий бухгалтерии, сделанный в бухгалтерии, составленный в бухгалтерии, проводимый в бухгалтерии.

Опираясь на результаты проведённого исследования, можно сделать вывод о том, что формальное соответствие релятивных и презентативных дешифровальных стимулов подтверждает их эквивалентность.

В данной работе были рассмотрены основные значения прилагательных, а также выделен ряд оттеночных значений адъективов.

Данное исследование позволило определить принципы, позволяющие выделять различные оттеночные значения прилагательных и абброконструктов при помощи сопоставления презентативных и релятивных трактовок; удалось систематизировать базовые значения, а также расширить систему оттеночных значений прилагательного музыкальный и абброконструкта *бух-*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич Е. А. Параметры синхронного описания аббревиатур / Е.А. Акулич // Наука и мир в языковом пространстве : сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. — Макеевка: ДонНАСА, 2016. — с. 447–453.
2. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. — Вып. 3(29). Языкознание. — Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. — С. 13–24.
3. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 140–147.
4. Михайлова Е. Н. Прогнозирование сложносокращённых слов и их эквивалентов на материале матрицы прогнозирования / Е. Н. Михайлова // Семантика и прагматика языковых единиц: история и современность. — 2018. — №7. — С. 174–180.
5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
6. Михайлова Е. Н. Презентативный дешифровальный стимул как первичный источник расширения семантики / Е. Н. Михайлова // Развитие интеллектуально-творческого потенциала молодежи: из прошлого в современность. — 2018. — Ч. 2. — С. 47–48
7. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.
8. Дюрович Л. Относительное предложение в славянских языках // The Slavic word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA. — The Hague; Paris, 1972.
9. Виноградова С. А. Семантико-деривационные процессы относительных прилагательных: когнитивный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 50–55.

Поступила в редакцию 30.01.2024 г.

A. A. Lashko

THE SYSTEM OF VALUES OF THE ABBROCONSTRUCT OF THE BOOKKEEPING AND ADJECTIVAL ACCOUNTING

The proposed article examines the specifics of the meanings of relative adjectives in a synchronous approach. The principles of interpretation of the semantics of the adjectival accounting and the abbroconstruction of the book are described, the basic interpretations of the abbroconstruction are presented. The author describes

the relationship between the meanings of the adjectival and its producer, reveals the concept of "decoding stimulus", "presentative" and "relative", "modifier", notes the multiple equivalence of the adjective accounting and the abbreviation, presents methods of interpretation of the semantics of the abbreviation and the adjective.

Key words: abbroconstruct, deciphering stimulus, polysemy, presentative, relative, modifikative.

Лашко Алина Андреевна.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, РФ.

Магистрант.

E-mail: alinalashko2506@gmail.com

Lashko Alina Andreevna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Undegraduat.

E-mail: alinalashko2506@gmail.com

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, РФ.

Профессор кафедры русского языка.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology.

Donetsk State University, Donetsk, RF.

Professor of the Department of Russian Language.

E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 811.161.1.

Е. С. Хлыстова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ф. Шацкая)

БОТАНИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ С ФРАЗЕОЛОГИЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности мотивированности производного слова, типы словообразовательного значения и специфика формирования идиоматичности слова. Анализируются ботанические номинации с фразеологичной семантикой, частотные лексико-семантические группы данных слов, способы образования номинаций и наиболее регулярные смысловые приращения в них.

Ключевые слова: фразеологичность деривационной семантики, семантическое приращение, производное слово, ботанические номинации, словообразовательная перифраза.

Образование производных слов происходит на базе производящей основы, которая отражается в производном структурно и семантически. Отсюда следует, что семантику производного слова можно объяснить через производящее, однако подобные связи могут ослабевать, в результате чего слово может быть лишь частично соотнесено с производящим или же полностью утрачивать семантические связи с ним. Иными словами, мотивированность слова — это сохранение в структуре производного слова связи со значением, которое люди закладывают в номинацию на основе образов объективной действительности, звуковых и иных ассоциаций, то есть мотивированность слова отвечает на вопрос о том, почему тот или иной предмет получил определённое наименование.

Говоря о мотивации производного слова, стоит обратиться к классификации И. А. Ширшова, представленной в статье «Типы словообразовательной мотивированности» [15, 1995, с. 41–53]. Он делит мотивацию на полную и частичную (семантика производного отсылает только к одному из компонентов значения производящего слова). Полная подразделяется на периферийную (значение производного включается не полностью) и основную, вторая из них включает прямую (основной тип словообразовательной мотивированности) и переносную мотивацию (производное слово берёт переносное значение производящего). Частичная делится на метафорическую, косвенную и ассоциативную. Все типы мотивации, за исключением полной прямой, допускают разной степени нарушения мотивированных отношений, в результате чего может образовываться такое явление как фразеологичность слова или же идиоматичность.

Чтобы определить, в каком случае образовывается идиоматичность слова, стоит учесть одну из важнейших черт производного слова: это расчленённость его смысловой структуры, то есть способность слова делиться на части, которые в другом языковом окружении повторяются без изменения значения. В данном случае рассматриваются отсылочная и формантная часть производного слова [6, 1981, с. 95]. Отсылочная часть деривата (производящая база по Е. А. Земской) — это основа слова, слово или сочетание слов и основ в качестве образующей базы для деривата, отсылающих к производящему слову, а формантная часть — это словообразовательные средства, предназначенные для выражения нового значения производного слова.

Словообразовательное значение, то есть новое значение, определяемое в производном при присоединении словообразовательных средств, не является индивидуальным для каждого слова (в отличие от лексического), оно выражается

группой слов со схожим строением, то есть группой слов, образованных с одной формантой и от одной части речи: например, суффикс *-ник-* в соединении с существительным образует значение ‘лицо, занимающееся какой-либо деятельностью’: *карман-ник, молоч-ник, плот-ник, кинош-ник и т. д.*

На основе видов семантической связи производящего и производного выделяют следующие типы словообразовательного значения [14, 2009, с. 110]:

1. Транспозиционное словообразовательное значение, заключающееся в том, что значение производного слова совпадает с производящим, но отличается от него частеречной принадлежностью: *белый — белизна*.

2. Модификационное словообразовательное значение, заключающееся в том, что значение производного не отличается от производящего, но добавляется дополнительный компонент значения: *дом — домик*.

3. Мутационное словообразовательное значение — возникает в случае изменения значения производного при присоединении словообразовательной форманты: *раздеть — раздевалка*. Многим словам с данным типом значения свойственна идиоматичность.

4. Эквивалентное словообразовательное значение — при совпадении значения между производным и производящим, но при структурном различии (часто относится к аббревиатурам и усечённым словам): *заместитель — зам*.

Все производные слова с точки зрения семантики делятся на две большие группы [3, 1984, с. 6]:

1. Нефразеологичные слова: лексическое значение полностью складывается из значений отсылочной и формантной частей (например: *столик* — значение складывается из корневого морфа *-стол-* и аффикса *-ик-* со значением уменьшительности). К нефразеологичным словам относятся два типа производных — модификационные образования (тот же *столик, домик, слоник* и т. д.) и синтаксические дериваты (слова, соответствующие значению производящих и отличающиеся только синтаксической функцией. Например, *чтение, погрузка, простота* и т. д.).

2. Фразеологичные слова: лексическое значение не представляет собой сумму значений из составляющих его морфем. В таких словах содержится добавочный смысловой компонент, который не выводится ни из отсылочной части деривата, ни из формантной — это называется смысловым приращением. На это явление впервые обратил внимание Александр Матвеевич Пешковский, анализируя значение и состав слова *желток* и *белок*: в данных примерах сумма морфем не выражает значение жёлтого и белого вещества в птичьем яйце.

В работах М. В. Панова это явление получило название **фразеологичность семантики слова** [9, 1956, с. 19]. Фразеологичность (или же идиоматичность) семантики производных слов — «это невыводимость значения производного слова из суммы значений составляющих» [2, 1998, с. 16].

М. В. Савицкий в своей работе «Специфика лексических идиом» выделяет следующие виды идиоматичных слов [12, 2013, с. 39]:

1. Идиомы с суженным значением: *самовар* — букв. ‘предмет, который сам варит’, функционирующее значение — ‘металлический сосуд для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой углями’ [МАС, т. 4, с. 16].

2. Идиомы с расширенным значением: *пароход* — ‘корабль на паровой тяге’, разг. расширенное значение — ‘любой корабль’.

3. Идиомы со сдвинутым значением: *огород* — букв. ‘что-то огороженное’, функционирующее значение — ‘участок земли, обычно вблизи дома, для выращивания овощей’ [МАС, т. 2, с. 588].

4. Идиомы с переносным метафорическим значением: *буквоед, сердцец, книгоед*.

5. Идиомы с переносным метонимическим значением: *белоручка*.

Процесс фразеологизации значения производного слова по-разному прослеживается в номинациях разных словообразовательных типов и моделей. Прежде всего она свойственна производным словам с мутационным типом значения. На этой основе самыми распространёнными и вызывающими трудности во включении в механизмы словообразования являются субстантивы, поскольку невыводимость значения часто проявляется у предметных существительных с конкретным значением и у существительных — наименований лиц и объектов живой природы по какому-либо признаку.

Для данного исследования были выбраны субстантивные номинации из ботанической отрасли, поскольку большинство растений в языке имеет два названия — первичное (научное) и вторичное (народное), и наиболее частотными в употреблении являются именно народные, построенные на основе ассоциативных связей, приоритетных признаков и иных аспектов, отражающих языковую картину мира. Большинство образований из раздела ботаники, встречающихся в русской речи, зафиксированы в толковых и специальных ботанических словарях. Материал исследования был получен в ходе сплошной выборки из Словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой.

Большинство ботанических номинаций основывается на определённом признаке, который может быть связан либо непосредственно со свойствами и качеством объекта, либо с потребностями называющего его субъекта, национальными традициями. Кроме того, выбранный признак должен содержать главную информацию о называемом. Объективность или субъективность приоритетного признака зависит в первую очередь от того, кто даёт это наименование (например, специалисты ботанического направления или обычные люди).

Все отобранные ботанические номинации с фразеологичной семантикой можно поделить на следующие лексико-семантические группы:

1. Номинации по морфологическим признакам (вкус, запах, цвет, размер, структура и иные внешние качества).

В данной лексико-семантической группе представлены номинации, образованные на основе морфологических признаков, то есть на основе внешних характеристик растения. Этот раздел имеет наибольшую численность слов (26), потому что человеку проще обозначить предмет на основе наглядного, доступного большинству признака.

Можно привести следующие наиболее яркие примеры:

Из суммы значений морфем слова *на-перст-янк-а* можно составить словообразовательную перифразу — ‘предмет, находящийся на персте или же пальце’, но словарное определение звучит следующим образом — ‘травянистое лекарственное растение сем. норичниковых, с цветками, напоминающими по форме наперсток’ [13, т. 2, с. 378]. В основе наименования находится признак — ‘похожий на напёрсток’, поэтому в данном случае можно говорить о том, что это идиома с метонимическим переносом значения и ассоциативной мотивацией (значение производного связано не с прямым значением производящего, а с ассоциацией к нему, существующей в языке). Номинация относится к мутационному словообразовательному значению. В слове *кислиц-а* основанием служит признак вкуса (кислый), поскольку в составе растения присутствует щавелевая кислота: это идиома с суженным значением, поскольку данным наименованием обозначается конкретное комнатное растение, а словообразовательная перифраза сводится к следующему — ‘что-то кислое’. *Смородина* — в основе названия лежит признак сильного и терпкого запаха ягоды, корень *-смород-* (*-смрад-*) обладает негативной стилистической окраской [В. И. Даль, М. Фасмер], хотя зачастую в иных этимологических словарях уточняют, что раньше *смород* означал просто сильный запах.

Номинация *лист-в-енн-иц-а* образована на основе схожего с листовными деревьями принципа сбрасывания хвои; словообразовательная перифраза производного слова — ‘предмет, обладающий листьями’, функционирующее значение — ‘хвойное дерево сем сосновых, с мягкой, опадающей на зиму хвоей’ [13, т. 2, с. 180]. В данном случае идиома обладает сдвинутым значением. Номинация *зме-евик* относится к ассоциативному типу мотивации, основанному на схожести изогнутого корня со змеёй, и обладает переносным метафорическим значением. В номинациях *черн-о-слив*, *остр-о-лист*, *золот-о-тысяч-ник*, образованных путём сложения с нулевой суффиксацией или сложения с суффиксацией, семантическое приращение связано с смысловым компонентом ‘отнесенность к растению’; словообразовательная перифраза слова *остр-о-лист* сводится к ‘острому листу’, благодаря чему можно говорить об отношении номинации к идиомам с расширенным значением. Значения слов *золот-о-тысяч-ник* и *тысяч-е-лист-ник* также не выводятся из словообразовательной перифразы, только их основные признаки.

К названной лексико-семантической группе также можно отнести слова *крушина*, *пушица*, *накос*, *черника*, *рыжик*, *полукустарник*, *одуванчик*, *огуречник*, *кувшинка*, *красавка*, *костаника*, *колокольчик*, *душица*, *горчица*, *гвоздика*, *белоус*, *бархатцы* и т. д.

2. Номинации по признаку, отражающему отношение объекта к другому (местоположение, отношение к человеку, животному и т. д.).

В этой лексико-семантической группе у слов отмечаются наиболее сложные смысловые приращения, включающие признаки отнесённости к какому-либо месту, человеку, животному или любому другому объекту, отсылку к которому трудно вывести из значения совокупности морфем производного слова.

В словообразовательной перифразе слова *шелк-ов-иц-а* отсутствует признак, на основе которого образована номинация — это отнесенность предмета (растения) к гусеницам тутового шелкопряда [13, т. 4, с. 708]; идиома обладает сдвинутым значением, поскольку словообразовательная перифраза сводится к следующему — ‘что-то, относящееся к шёлку’. Похожая ситуация со словом *канарееч-ник* — ‘травянистое растение сем злаков, семена которого используются как корм для комнатных птиц (гл. образом канареек)’ [13, т. 2, с. 25]; словообразовательная перифраза — ‘предмет, относящийся к канарейке’. Данная идиома обладает суженным значением и относится к типу периферийной мотивации, то есть значение производного не включает значение производящего полностью, оно описывается с помощью сочетания *в том числе*: в данном случае — это ‘растение, семена которого используются как корм для комнатных птиц, *в том числе* для канареек’. В слове *лис-о-хвост* присутствует заметная отсылка к лисьему хвосту, который своей пышностью схож с называемым соцветием, поэтому данная идиома обладает ассоциативной мотивацией и переносным метонимическим значением. В слове *подсолнечник* словообразовательная перифраза сводится к ‘предмету или лицу, находящемуся под солнцем’, в качестве основы для наименования был взят признак ‘отнесенность к солнцу’, поскольку у данного растения соцветия раскрываются и обращаются к солнцу. Известное многим название *подснежник* также относится к словам с идиоматичной семантикой, поскольку в его словообразовательной перифразе — ‘предмет или лицо, что находится под снегом’ — отсутствует компонент ‘растение, распускающееся сразу после таяния снега’.

К названной лексико-семантической группе также можно отнести слова *стланик*, *валежина*, *боярышник*, *подорожник*, *клубника*, *пустырник*, *мокрица*, *купальница*, *княженика*, *земляника*, *анютин*, *маргаритка* и т. д.

3. Номинации по признаку, отражающему свойства объекта (функция, назначение).

В этой лексико-семантической группе у слов отмечаются смысловые приращения ‘какое-либо характерное действие, назначение’ и ‘лечебное свойство предмета’. Состав

группы небольшой, поскольку данный признак является самым сложным для передачи информации одним словом и большинство номинаций, встречаемых в обычное время в народной речи, не зарегистрировано в словарях. Например, отсутствуют такие известные номинации с ярким проявлением идиоматичности в своём составе, как *кровохлёбка*, *клопогон*, *мордовник* и т. д.

Из числа отобранных в словаре можно привести следующие примеры:

В слове *звер-о-бой* словообразовательная перифраза — ‘предмет, бьющий животных’, а словарное определение — ‘травянистое растение или полукустарник, применяемые как лечебное средство’ [13, т. 1, с. 601]; идиома относится к сдвинутому значению и метафорической мотивации, при которой переносный смысл возникает у основы только на уровне мотивированного слова, в его словообразовательной структуре. В номинацию заложено значение влияния этого растения на животных — ‘опасно для животных’. Значение слова *язв-енн-ик* — это не просто ‘предмет, относящийся к язвам’, а ‘кормовая трава или полукустарник сем бобовых (в народной медицине используется для заживления ран и язв и как вяжущее средство)’ [13, т. 4, с. 779]. *Чист-о-тел* — это не просто ‘чистое тело’, а ‘растение, применяемое в медицине при различных кожных и иных заболеваниях’ [13, т. 4, с. 680]. В словарном определении номинации *сахар-о-нос* — ‘растение, богатое сахаром, а также растение, из которого может быть получен сахар’ [13, т. 4, с. 31] — отсутствует часть значения ‘содержащий сахар’. Данное слово является примером идиомы с суженным значением.

К названной лексико-семантической группе также можно отнести слова *маслина*, *сорняк*, *столетник*, *самосев*, *саженец*, *первоцвет*, *однолеток*, *незабудка*, *заразиха*, *двулетник* и т. д.

Как показал проведенный анализ, ботанические номинации с фразеологичной семантикой делятся на три лексико-семантические группы: номинации по морфологическим признакам, номинации по признаку, отражающему отношение объекта к другому и номинации по признаку, отражающему свойства объекта. Наибольшую численность (26 номинаций) имеет ЛСГ — номинации по морфологическим признакам, потому что для человека проще обозначить предмет на основе наглядного и доступного для понимания большинству признака. Наименьшую численность (14 номинаций) имеет лексико-семантическая группа — номинации по признаку, отражающему свойства объекта, так как данный признак является самым сложным для передачи информации одним словом и большинство номинаций, встречаемых в обычное время в народной речи, не зарегистрировано в словарях. Все выбранные признаки содержат либо главную информацию о называемом, либо его наиболее характерную для называющих черту, либо наиболее частотный ассоциативный для называющих ряд, что отражает языковую картину мира определённого народа.

Кроме того, как показал проведённый анализ, невозможно установить единый и стандартный механизм словообразования с фразеологичностью и систему её выводимости, поскольку в основе каждой номинации так или иначе заложен антропоцентрический компонент, отражающий сознание называющего.

Совокупность значений производящей основы и присоединяемых словообразовательных средств составляет лишь часть от общей семантики производных слов с идиоматичностью, остальную же часть вносят смысловые приращения, формируемые в языке благодаря контексту, образам и ассоциациям, культурному и историческому коду. Рассмотрение особенностей формирования номинаций с фразеологичным компонентом позволит исследовать проблемные случаи в этимологическом аспекте, углубить понимание родного языка и наиболее точно передать информацию в процессе изучения русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничков И. Е. Идиоматика и семантика // Вопросы языкознания. — 1992. — № 5. — С. 140–150.
2. Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. — Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. 1998. — 54 с
3. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. — М.: Рус. яз., 1984. — 151 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. — М.: Рус. яз. — Т. 1: А-О. — 1232 с.; Т. 2: П-Я. — 1088 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 328 с.
6. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М.: Наука, 1981. — 200 с.
7. Кудрявцева В. А. Наследование валентностных свойств глагола отглагольным именем: (На материале наименований лиц в русском языке): дис... д-ра филол. наук: 10.02.01. — М., 1991. — 379 с.
8. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — Вып. 1. — С. 53–57.
9. Панов М. В. О слове как единице языка // Ученые зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. — 1956. — Т. 51. — Вып. 6. — С. 129–165.
10. Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: сб. ст. — Л.; М.: Госиздат, 1925. — 190 с.
11. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М. В. Пименовой. — Вып. 4. — Кемерово, 2004. — 208 с.
12. Савицкий В. М. Специфика лексических идиом // СНВ. — 2013. — №1. — С. 38–40.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
14. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 248 с.
15. Ширшов И. А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. — 1995. — № 1. — С. 41–53.

Поступила в редакцию 16.03.2024 г.

E. S. Khlystova

BOTANICAL NOMINATIONS WITH PHRASEOLOGICAL SEMANTICS IN MODERN RUSSIAN

The article examines the features of the motivation of a derivative word, the types of word-formation meaning and the specifics of the formation of the phenomenon of idiomaticity of the word. The article analyzes botanical nominations with phraseological semantics, common lexico-semantic groups of these words, ways of forming nominations and the most frequent semantic increments in them.

Key words: *phraseology, semantic increment, derivative word, botanical nominations, word-formation periphrasis.*

Хлыстова Екатерина Сергеевна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет. г. Волгоград, РФ.
Студент.
E-mail: docsherl@mail.ru

Khlystova Ekaterina Sergeevna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University.
Volgograd, RF.
Student.
E-mail: docsherl@mail.ru

Шацкая Марина Федоровна.

Доктор филологических наук, профессор.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, РФ.
Профессор.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Shatskaya Marina Fedorovna.

Doctor of Philology, Professor.
Volgograd State Socio-Pedagogical University.
Volgograd, RF.
Professor.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 811.161.1

Е. А. Хоршева © 2024

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. О. А. Горбань)*

ЛЕКСИКА КАЗАЧЬЕГО БЫТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. КРЮКОВА И В. МАКЕЕВА

В работе выделены лексические диалектные единицы из рассказов Ф. Д. Крюкова и стихотворений В. С. Макеева. Установлены их значения, определены тематические группы. Определены функции диалектной лексики, способы подачи в художественном тексте. Сделан вывод об основной задаче обоих авторов — передать особенности быта казаков, колорит народной речи, при этом в прозе Ф. Крюкова диалектизмы, как правило, способствуют реалистичности описания, в поэзии В. Макеева — выразительности текста.

Ключевые слова: русский язык, диалектная лексика, язык художественной литературы, Ф. Крюков, В. Макеев.

Яркими представителями литературы регионов Нижней Волги и Дона являются Ф.Д. Крюков и В.С. Макеев. Эти писатели принадлежат к разным эпохам, сочиняли в разных литературных жанрах, но их объединяет то, что они являются носителями казачьих говоров и отразили это в своих произведениях.

Творчество Ф. Крюкова приходится на конец XIX – начало XX века. Диалектный язык в это время еще жив, он естественен в среде донского казачества. Обилие диалектизмов в произведениях Ф. Крюкова является характерной чертой его стиля. Сам писатель был выходцем из народа и владел своим говором в совершенстве, поэтому в его произведениях диалектизмы отражают быт казаков, показывают особенности героев, их мировоззрение и менталитет. Цель автора — передать жизнь казаков и их язык во всей полноте.

Если Ф. Крюков прославлял хутора и станицы, старый уклад жизни казачества, то В. Макеев стал городским жителем, и в его произведениях в большей степени представлена городская действительность. Этот яркий и самобытный поэт начал свое творчество во второй половине XX в. В это время казачьи говоры постепенно утрачивают свои черты, подвергаются сильному влиянию литературного языка, который входит в повседневную жизнь через образование, радиовещание, популяризацию литературы, одним словом — происходит модернизация, влекущая за собой изменения в языке, жизни народа и его психологии. Главной целью автора при использовании диалектизмов является сохранение языка, его колорита, передача его будущим поколениям. Автор — выходец из народной среды, но в своей поэзии он выступает больше как посредник, который слышал диалектную речь от предков.

Произведения Ф. Крюкова и В. Макеева — образец тесного, органичного сплетения богатства народных говоров и литературного языка. И хотя есть различия в состоянии языка в эти два временных отрезка, в укладе жизни людей, тем не менее, в творчестве рассматриваемых авторов есть точки соприкосновения, в текстах отражается современная для них диалектная речь и встречаются лексические совпадения.

Цель нашей работы — выявить, как говоры Нижней Волги и Дона представлены в произведениях разных исторических периодов и разных литературных жанров — прозаических (Ф. Крюков) и поэтических (В. Макеев).

Исследователями выделяются следующие типы диалектизмов: лексические, этнографические, лексико-семантические, фонетические, словообразовательные, морфологические и синтаксические [7, с. 6]. В данной работе мы остановимся на лексическом типе, так как у обоих писателей он представлен наиболее широко. Отметим при этом, что в произведениях Ф. Крюкова используются все типы диалектизмов, тогда как в поэтических текстах В. Макеева основную долю составляют диалектизмы именно лексические и словообразовательные.

Все лексические диалектизмы разделены нами на тематические группы. Из них самой употребительной является лексика быта, которая представлена следующими тематическими группами: «Предметы домашнего обихода» (*казан, шворка; иверень, ряднина*), «Постройки» (*рундук, мазанка; грубка, городьба*), «Еда, продукты питания» (*повечерять, кулеш; калабушка, ирьян*). Сюда же мы можем отнести и тематическую группу «Предметы и явления окружающей природы», поскольку обозначаемые реалии тесно связаны с повседневной, бытовой жизнью казаков.

Предметы домашнего обихода

Тематическая группа «Предметы домашнего обихода» в прозе Ф. Крюкова представлена словами, обозначающими домашнюю утварь (*зыбка, казан, кубышка*), одежду и обувь (*чирики, теплушка, чекмень, чеботы*).

Например: «*Терпугу большого труда стоило удержаться от того, чтобы не ухватиться за новый галун атаманского чекменя и наткнуть им в сытую физиономию Фараошки*», «*Зыбь*» [3, с. 87]. Существительное *чекмень* имеет несколько значений: «1) казачий военный мундир; 2) верхняя одежда из домотканой шерсти» [1, с. 572]. В контексте имеется в виду военный мундир атамана, упоминается здесь и такая его деталь, как галун. Автор передает реалии жизни донских казаков, как бытовой, так и военной, обеспечивает достоверность описания в художественном тексте.

В рассказе «В родных местах»: «*Продавай это гуньё все паршивое, пойдём на Дон...*» [3, с. 151], — находим диалектизм *гуньё*, который в словаре представлен немного в иной форме (*гуна*) и имеет несколько близких значений: «ветошь, обноски, тряпье» и «худая, ветхая, изношенная одежда, рублище» [8, с. 232]; *гуньё* образовано от *гуна* как собирательное. Используя данный диалектизм, автор передаёт реалии определённой местности, наполняет текст казачьим колоритом, а также передает особенности речи персонажа.

У В. Макеева представлены такие диалектизмы, как: *иверень, ряднина, зыбка, махотка, вентерек*.

Они также называют реалии казачьего быта, выполняя номинативную функцию. Например, в контексте: «...*Забыл про накваску в махотке...*» [5, с. 54], — существительное *махотка* обозначает домашнюю утварь, а именно «небольшой глиняный горшок для молочных продуктов» [1, с. 279]. Диалектизм обеспечивает достоверность описания, характеризует речевую среду и тем самым придает тексту народный колорит.

Лексика казачьих говоров в поэтических текстах реализует и другие художественные задачи. Так, в стихотворении «Не в уповании на древность...» отмечается диалектное слово *иверень* — «кусоч, лоскут в виде клина» [1, с. 194]: «...*И ночь не просит чудной песни, Черна без иверня луны...*» [6, с. 395]. Луна здесь метафорически уподобляется клинообразному лоскуту по внешнему виду, форме; диалектизм способствует, с одной стороны, созданию образа, выполняя эстетическую функцию, с другой — позволяет сделать это лаконично, одним словом. Кроме того,

сочетание сонорных согласных в слове *иверня* гармонирует с сонорными в словоформе *луны*, что можно рассматривать как прием аллитерации.

Общей у авторов единицей в тематической группе «Предметы домашнего обихода» является словоформа *зыбка* в значении «люлька» [1, с. 192] или «детская колыбель (обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине)» [9, с. 30]. У Ф. Крюкова она используется в контексте: «*Потом трянула его в сторону, толкнула в другую и начала качать, как в зыбке*», «Зыбь» [3, с. 32]; здесь слово используется в сравнительном обороте, выполняя изобразительную функцию (на первый план выступает характер движения люльки и описываемого действия). У В. Макеева: «...*Чтоб я помнил о бабоньке-бабушке, / Что баюкала зыбку мою...*» [5, с. 36]. Применяя данный диалектизм, автор отправляет читателя в свой мир детства, упоминая о бабушке, которая принимала участие в воспитании ребенка, чтобы наиболее полно и ярко изобразить этот мир, в той или иной мере дать характеристику бабушке; люлька выступает как символ детства, а в диалектной форме *зыбка* подчеркивает народный характер изображаемого, напоминая о рождении автора в казачьей станице.

Постройки

Тематическая группа «Постройки» представлена у Ф. Крюкова следующими единицами: *городьба, обселюция, курень, рундук, поветка, варница*.

В контексте рассказа «Зыбь»: «*На белой стене куреня четко рисовалась переломленная тень журавца*», «Зыбь» [3, с. 52], — существительное *курень* имеет несколько значений, которые в равной мере могут реализовать себя в данном предложении: «квадратный казачий дом с четырехскатной крышей» и «любой дом в станице или на хуторе» [1, с. 252]. Диалектизм выполняет номинативную функцию и отражает предмет казачьего быта в художественном тексте.

Слово *поветка* («*Под поветкой, у самого входа в землянку, спал толстый старый запорожец...*», «Шульгинская расправа» [3, с. 208]), — означает то же, что *поветь* — «навес, крытый двор» [1, с. 373]. Автор, изображая бытовые реалии, передает также особенности речевой среды казаков, тем самым не просто создает народный колорит, но буквально погружает читателя в быт казачества.

У В. Макеева эту группу составляют слова: *горница, городьба, грубка, гатка*.

«...*Для меня ты, Троица, как святая горница...*» [6, с. 471], — в приведенном контексте употреблен диалектизм *горница*, что значит «парадная комната в казачьем доме» [1, с. 114]. Словоформа выполняет моделирующую функцию, так писатель создает образ местной речевой среды. Кроме того, *горница* через однокоренное слово горний ассоциативно связана с божественным, миром; в казачьем доме здесь располагался Святой угол с иконами. Эти смысловые связи поэт подчеркивает эпитетом *святая*, а также рифмой *Троица — горница*.

В стихотворении «Мать довольна, что есть мясорубка...» существительное *грубка* («...*И полвека беленая грубка...*» [6, с. 422]) имеет значение «то же, что груба — печь с лежанкой» [1, с. 119]. Это слово унаследовано из праславянского, но в русском литературном языке устарело, однако сохранилось в донском диалекте. Из словаря становится понятно, что это не просто печь, а особый вид печи, с лежанкой. Так автор отражает в тексте реалии быта казаков и передает народную речь.

Лексема, которая представлена у обоих авторов в тематической группе «Постройки», — *городьба* — имеет значение «ограда, изгородь» [1, с. 115]. У Ф. Крюкова данная диалектная единица представлена в контексте: «*Осыталась в нескольких местах и полегла городьба*», «Зыбь» [3, с. 34], — где она отражает реалию быта казаков, тем самым придает тексту колорит казачьей жизни. У В. Макеева: «...*Городится чужая городьба...*» [6, с. 526], — данный диалектизм выполняет больше эстетическую функцию, чем номинативную. Не зря, по нашему мнению, здесь использована

тавтология *городится городьба*: за счет повтора звуков [г], [р], [д] и [а], [о] создаются аллитерация и ассонанс, так автор усиливает выразительность художественной речи. В обоих случаях слово используется для передачи колорита станичной жизни.

Еда, продукты питания

Данную тематическую группу в произведениях Ф. Крюкова представляют слова *харч, щерба, кулеш, житный, повечерять*.

В контексте: «— Царскую *щербу* сделаю!», «На речке лазоревой» [3, с. 238], — существительное *щерба* имеет значение «уха» [1, с. 598]. От привычной нам ухи казачья щерба отличалась тем, что была она очень густой, сваренной из свежельвленной рыбы, а добавляли туда только репчатый лук и немного зелени. В основном эта диалектная лексема была характерна для речи запорожских казаков. Так, данный диалектизм моделирует региональную речевую действительность, обеспечивая реалистический метод и наполняя произведение местным колоритом.

Помимо существительных тематическую группу «еда, продукты питания» наполняет и прилагательное *житный*, что значит «ржаной» [1, с. 156] («У вас делают *житный* квас?», «Четверо» [3, с. 264]). В зависимости от места распространения данный диалектизм имеет разное значение, но основные синонимы — это: *хлебный* или *ячменный, ржаной*. Для говоров донских казаков характерным является значение, которое представлено в Большом толковом словаре донского казачества. Словоформа, используемая в речи персонажа, позволяет автору передавать особенности региональной речевой среды.

У В. Макеева данную группу характеризуют следующие диалектные единицы: *сыта, калабушка, ирьян, взвар, портошный*.

Используя диалектизм *вечорошник* в стихотворении «Не строптивый, не дурашный...» («...Я пришел к тебе *вчеришний*, / Как *вечорошник* в ведре...» [6, с. 466]), автор создает метафору, сравнивая героя с «молоком вечернего удоя» [1, с. 75]. Вероятно, он таким образом дает себе оценку. Так, в словаре донских говоров приводится пример употребления этого слова из речи диалектоносителя: «*Вичёрашник — вечерам удой, а утришняя мьлако лучшей*» [1, с. 75], где явно выражена оценка «вечернего» молока. В строфе также обыгрывается созвучие этого прилагательного с литературным словом *вчеришний*, которое в одном из переносных значений «отживший, устарелый, несовременный» [2, с. 165] тоже приобретает оценочную коннотацию.

Существительное *ирьян* в стихотворении «Сенокосная череда...» («...*Потом ирьян готовят из студёной...*» [6, с. 416]) имеет значение «то же, что арьян — напиток из разведенного водой отцеженного кислого молока» [1, с. 27], воссоздавая предмет региональной действительности, тем самым обеспечивая реалистичность описания.

Общих у авторов словоформ в тематической группе «Еда, продукты питания» нами не было найдено; она является одной из самых многочисленных, передавая разнообразие соответствующей сферы быта, и в нее входят слова разных частей речи.

Предметы и явления окружающей природы

Данная тематическая группа в рассказах Ф. Крюкова представлена словами, которые обозначают естественные предметы, созданные природой, или природные явления: *зыбь, шпиль, мочежина, шлях, соша, кура, буерак*.

Например, диалектизм *зыбь* используется автором в названии рассказа и имеет несколько близких значений — «ил» [1, с. 193] и «топь, трясины; ил, тина» [9, с. 33]. Здесь словоформа выполняет эстетическую функцию, так как автор привлекает к ней особое внимание читателя, вынося его в заголовок рассказа. Если судить о содержании произведения, то можно сказать, что Крюков наделяет этот диалектизм и

метафорическим значением: герой рассказа влюбляется в чужую жалмерку, и эта любовь затягивает его, как тряпина, порождая тем самым большие трудности и страдания.

В рассказе «Четверо» находим диалектизм *кура*: «*Поехал в холодных сапогах, тепло показалось, да оно и было тепло, уж к вечеру кура поднялась со всего белого свету*», «Четверо» [3, с. 265], который имеет значение «снежная метель» [1, с. 251]. Используя данный диалектизм, автор отражает картину мира, менталитет донского казака.

У В. Макеева эту тематическую группу составляют такие слова, как *ерик*, *леи*, *разведриться*, *шмар*.

В стихотворении «На белом свете, в чистом поле» в контексте: «...*И в моклом ерике лягушки...*» [6, с. 72], — присутствует диалектизм *ерик*, который употреблен в значении «ручей, проточная вода, обычно текущая по дну оврага» [1, с. 148]. Так автор очень лаконично, одним диалектным словом называет природное явление, которое средствами литературного языка имеет достаточно развернутое обозначение, тем самым он отражает картину окружающей природы, знакомую донскому казаку, передает колорит народной речи и делает свою поэтическую речь емкой и выразительной.

В тематическую группу «Предметы и явления окружающей природы» входит и глагол *разведриться* в контексте: «*Как туман, разведривалась злость*», из стихотворения «Помню детства милые обноски» [4, с. 23]. Когда употребляют данный диалектизм в прямом значении, говорят «о наступлении хорошей, ясной погоды» [1, с. 443], однако в приведенном контексте используется метафорический перенос по сходству. Так автор показывает, что хорошая погода наступает не в природе, а в душе человека, и злость, словно тучи, покидает его сердце.

Общих диалектных единиц в данной тематической группе у обоих писателей нам также не встретилось, что может говорить о разных функциях, выполняемых диалектизмами. Крюков использует их, чтобы отражать мировосприятие донского казака, а Макеев — для придания выразительности тексту, порой путём метафоризации.

Таким образом, несмотря на существенные различия в состоянии диалектного языка, характере рассматриваемых литературных произведений, лексика в эти два хронологических периода несущественно изменилась, нами были обнаружены совпадающие диалектные единицы. Лексика быта в произведениях обоих авторов выполняет сходные функции, в основном — передает жизненный уклад донских казаков, окружающую природу, моделирует региональную речевую среду, обеспечивая реалистический метод и наполняя художественный текст народным колоритом. Однако диалектные единицы, употребляемые в произведениях этих двух авторов, выполняют и разные функции, а именно: в прозе Крюкова они отражают действительность, называют реальные предметы словами из речи казаков, в то время как в поэзии Макеева они чаще используются метафорически, символически, казачий колорит накладывается на образное употребление диалектизмов, придавая текстам выразительность, вплоть до звукового обыгрывания слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества: Около 18 000 слов и устойчивых словосочетаний. — М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 608 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
3. Крюков Ф. Д. Казачьи повести: повести, рассказы / Ф. Д. Крюков. — М.: Вече, 2006. — 384 с.

4. Makeev V. S. Под казачьим солнышком / В. С. Makeev. — Волгоград: Нижне-Волжское издательство, 1983. — 80 с.
5. Makeev V. S. Чистые четверги: стихотворения и поэмы / В. С. Makeev. — Волгоград: Комитет по печати, 1996. — 464 с.
6. Makeev V. S. Избранное: в 3 т. Т. 1: Стихотворения / В. С. Makeev. — Волгоград: Издатель, 2007. — 544 с.
7. Прохорова В. Н. Диалектизмы в языке художественной литературы / В. Н. Прохорова. — М.: Учпедгиз, 1957. — 80 с.
8. Словарь русских народных говоров. Выпуск 7 / под ред. Ф. П. Филина. — Л.: Наука, 1972. — 355 с.
9. Словарь русских народных говоров. Выпуск 12 / под ред. Ф. П. Филина. — Л.: Наука, 1977. — 368 с.

Поступила в редакцию 23.03.2024 г.

E. A. Khorsheva

**THE VOCABULARY OF COSSACK EVERYDAY LIFE IN THE WORKS
BY F. KRYUKOV AND V. MAKEEV**

The article deals on lexical dialect units from the stories by F.D. Kryukov and poems by V.S. Makeev. Their values have been established, and thematic groups have been identified. The functions of dialect vocabulary and ways of presentation in a literary text are defined. The author concludes about the main task of both authors — to convey the peculiarities of the Don Cossacks life, the flavor of folk speech, while the dialectisms in F. Kryukov's prose, as a rule, contribute to the realism of the description, in V. Makeev's poetry — the expressiveness of the text.

Key words: Russian language, dialect vocabulary, language of fiction, F. Kryukov, V. Makeev.

Хоршева Елизавета Александровна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Студент.

E-mail: flb-201_144796@volsu.ru

Khorsheva Elizaveta Alexandrovna.

Volgograd State University,
Volgograd, RF.

Student.

E-mail: flb-201_144796@volsu.ru

Горбань Оксана Анатольевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Профессор кафедры русской филологии и журналистики.

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

Gorban Oksana Anatolyevna.

Doctor of Philology, Professor.

Volgograd State University,
Volgograd, RF.

Professor of the Department of Russian Philology and Journalism.

E-mail: oa_gorban@volsu.ru

УДК 811.161.1

Е. В. Лаврикова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ф. Шацкая)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРЕЧЕСКИХ МИФОЛОГИЗМОВ- ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

Рассматриваются греческие мифологизмы-фразеологизмы в произведениях художественной литературы XIX века, а именно А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Прослеживается частотность употребления писателями фразеологической единицы «панический страх» и фразеологических оборотов с отрицательной коннотацией. Описываются случаи контекстуальных приращений устойчивых единиц и приобретения ими новых оттенков значений.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическое единство, греческий мифологизм-фразеологизм, художественная литература XIX века, панический страх.

Фразеологизмы приносят в речь больше эмоциональности, оценочности и экспрессии. Они скрашивают выражаемые мысли, делают их более интересными для понимания и осмысления. В настоящий момент изучению функционирования фразеологических оборотов в художественных произведениях посвящено множество исследований. Тем не менее, сколько бы не было написано работ, эта область языкознания не будет рассмотрена полностью, безусловно, по причине постоянного развития и изменения языка. Однако в классической литературе прошлых веков, уже закрытой структуре, ситуация аналогична. На данный момент написаны работы по анализу фразеологического состава произведений многих русских классиков — А. П. Чехова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Л. Н. Толстого (А. В. Лыков [2], Т. Г. Рогачева [4], О. Л. Блудилина [1]), но всегда можно найти что-то новое и ранее не рассмотренное. Так, в этом исследовании было принято решение подробно ознакомиться с использованием авторами-классиками определенной группы фразеологических оборотов — фразеологизмов-мифологизмов — в прозе XIX века.

Фразеология как отдельная дисциплина в научном языкознании стала рассматриваться с 1928 года (Е. Д. Поливанов) [5]. Первым, кто начал заниматься детальным изучением фразеологии, был В. В. Виноградов, посвятивший этому вопросу работу 1946 года «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» [2]. В ней он впервые употребил термин «фразеологическая единица», описал не только значения некоторых из них, но и провел анализ их происхождения и области применения [там же]. Н. М. Шанский ввел новое понятие — «фразеологический оборот», — а также в своих трудах по теории фразеологии описал дифференциальные признаки фразеологических единиц [6].

Важно отметить, что за столько лет изучения этого раздела лингвистики было создано множество дефиниций термина «фразеологизм». В своем исследовании мы придерживаемся толкования Н. М. Шанского, который дает такое определение **фразеологическому обороту**: «воспроизводимая значимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [6, с. 64].

По мнению В. В. Виноградова фразеологическими единицами считаются фразеологические сращения, единства и сочетания [2]. Н. М. Шанский к единицам фразеологии также относит фразеологические выражения [6]. В работе над исследованием

мы рассматривали фразеологические обороты в соответствии с широким пониманием предмета этого раздела языкознания.

Существует множество областей для классификации фразеологических оборотов. Например, разграничить фразеологические единицы можно с точки зрения их семантической слитности, лексико-грамматических свойств, частеречной принадлежности, происхождения и т. д.

Для дальнейшего анализа конкретной группы фразеологизмов, а именно мифологизмов, необходимо заметить, что они все без исключения представляют **фразеологические сочетания** и в предложении **соотносятся с глаголами и существительными**.

Для работы над исследованием нами была выбрана определенная группа фразеологических единиц — греческих фразеологизмов-мифологизмов, встречающихся в русской художественной литературе XIX века. Было выявлено, что не так много писателей используют в своих произведениях именно эту группу фразеологических оборотов, однако найденные примеры, на наш взгляд, представляют большой интерес в изучении фразеологии и детальном рассмотрении контекстуальных приращениях устойчивых единиц.

Так, на основании описанной ранее актуальности, поставлена следующая **цель** работы — провести анализ греческих фразеологизмов-мифологизмов, функционирующих в классической русской литературе XIX столетия.

Высокую регулярность в использовании показал фразеологизм *панический страх*. В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» ему дается такое определение: «безотчетный, внезапный, сильный страх, охватывающий множество людей, вызывающий смятение» [9]. Пришло в русский язык это фразеологическое единство из мифа о боге лесов и полей Пане, который внушал людям безотчетный ужас своим внешним видом и голосом. Л. Н. Толстой, чаще всех используя данный фразеологизм, погружал читателя в атмосферу безысходности и, действительно, «настоящего, животного ужаса», придавая словосочетанию еще больше негативной коннотации. Следует заметить, что именно в романе-эпопее писателя можно встретить большое количество случаев употребления этого фразеологического оборота — не менее пяти раз. Такой выбор фразеологизма возможно объяснить через осмысление темы и сюжета всего произведения: описание войны, ожесточенных и кровопролитных боев, которые становятся причиной бесконтрольного страха. Например: *Кроме того во всех речах всех говоривших была, за исключением Пфуля, одна общая черта, которой не было на военном совете в 1805-м году — это был теперь, хотя и скрываемый, но панический страх перед гением Наполеона, страх, высказывавшийся в каждом возражении*.

Еще одним примером, ценным для наблюдения, может стать случай использования этого мифологизма М. Е. Салтыковым-Щедринным в очерке «Сила событий» из сборника «Призраки времени»: *Ясно, что такого рода проявления могут исходить только из такой среды, которая не имеет ясного понятия ни об отечестве, ни о долге и способна подчиняться лишь паническим побуждениям преувеличенного страха и не менее преувеличенных надежд*. Писатель нарушает постоянство состава фразеологической единицы и превращает ее в ситуационный фразеологический неологизм, привнося в устойчивое и непроницаемое по своей структуре и составу выражение новый смысл и расширяя характеристику описываемого события.

Важно отметить, что в ходе исследования было замечено, как сильно преобладают мифологизмы-фразеологизмы с негативной коннотацией среди всех найденных фразеологических единиц. К примеру, в тематическую группу, связанную с «паническим страхом», можно отнести такие фразеологизмы:

- *дамоклов меч* — «постоянно грозящая опасность, беда» [7, с. 60];

- *находиться между Сциллой и Харибдой* — «подвергаться одновременно двум серьезным опасностям» [7, с. 283];

- *муки Тантала* — «нестерпимые страдания, вызываемые созерцанием желанного и осознанием невозможности этого достигнуть» [7, с. 288].

Данные выше фразеологизмы с разных сторон описывают бедствия, страдания и вызываемые ими чувства. Эти фразеологические обороты можно использовать в схожих контекстах и считать синонимичными.

Однако фразеологическая единица *золотой век*, чаще встречающаяся в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, не несет в своем значении отрицательные оттенки. А. Н. Тихонов во «Фразеологическом словаре современного русского языка» дает такую дефиницию этому фразеологизму: эпоха «расцвета наук, искусств и т. п. в истории какого-либо народа» [8, с. 446]. В русском языке данный оборот появился благодаря мифу о богине справедливости Астрее и тому времени, которое она провела на земле. Этот период — спокойствия и благодати — также зовется *веком Астреи*.

Для исследования это фразеологическое единство стало примечательным, поскольку оно служит средством достижения иронии в тексте Л. Н. Толстого: *Сколько бы ни уверяли людей суеверия религиозные и научные о таком будущем золотом веке, в котором всего всем будет довольно, разумный человек видит и знает, что закон его временного и пространственного существования есть борьба всех против каждого, каждого против каждого и против всех* (Л. Н. Толстой. О жизни (1887)). Таким образом, мы видим, как фразеологизм с изначально положительной коннотацией используется для описания прогнившего общества. В контексте сравнения людей с богами писатель применяет данный фразеологизм для иллюстрации порочного желания людей уподобиться богам и стремления достичь тех же высот, что и олимпийцы.

Следующими для анализа, с учетом частотности, стоит выделить фразеологические обороты *объятия Морфея* и *жрец Фемиды*. А. П. Чехов в рассказе «Баран и барышня» также применяет расширение компонентного состава фразеологического единства: *Он только что вышел из **объятий** послеобеденного **Морфея** и не знал, что ему делать*. Как известно, фразеологизм *объятия Морфея* означает «сон» или «спать» и произошел от мифа о греческом боге сновидений Морфее, чье имя впоследствии стало синонимом «сна». Однако Антон Павлович в своем рассказе расширяет состав фразеологического оборота *вышел из **объятий** послеобеденного **Морфея***, что кардинально изменяет смысл исходного варианта и, более того, добавляет новые оттенки к его значению. Неологизм А. П. Чехов теперь описывает процесс пробуждения ото сна, а не погружения в него.

Анализируя подробнее примеры использования А. П. Чеховым фразеологизма *жрец Фемиды* в повести «Драма на охоте» и в рассказе «В вагоне», отмечается следующее применение этой идиомы в качестве антономазии:

- *Из-за этого паршивца Осипова, если вы с ним же сойдетесь, вы можете место потерять! **Жрецу Фемиды** судиться за побои...* (А. П. Чехов. Драма на охоте (Истинное происшествие) (1884-1885))

- *Хорошенькая просыпается, обводит глазами публику и... бессознательно кладет головку на плечо соседа, **жреца Фемиды**...* (А. П. Чехов. В вагоне (1880-1882))

Так, автор добавляет больше образности персонажам — Ивану Петровичу Камышеву, судебному следователю, и пассажиру вагона. А. П. Чехов выделяет с помощью этой фигуры речи персонажей, дает им характеристику, отличительную черту среди остальных героев.

Еще одной областью для разграничения мифологизмов-фразеологизмов, на наш взгляд, является сюжетное наполнение мифов, из которых в русский язык пришли фразеологические обороты. Преимущественно все мифы, послужившие источником фразеологических единств, можно разделить на предания о богах и полубогах-героях. Без

сомнения, есть среди выделенных мифологизмов исключения, такие как *между Сциллой и Харибдой* и *пальма первенства*, которые нельзя отнести к ранее замеченным группам.

Продолжая мысль об упомянутой выше классификации, следует относить к мифологизмам о богах следующие фразеологизмы: *весы Фемиды, золотой век, объятия Морфея, панический страх, петь дифирамбы, муки Тантала, узы Гименея, жрецы Фемиды и яблоко раздора*. К преданиям о полубогах и героях относятся *авгиевы конюшни, взять быка за рога, гордиев узел, дамоклов меч, сизифова работа и храм муз*.

Таким образом, по нашим наблюдениям, греческие мифологизмы-фразеологизмы встречаются в художественных произведениях только трех авторов XIX века — А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как показало исследование художественной литературы 1801-1900 гг., одним из самых используемых фразеологизмов того времени является *панический страх*. Чаще всего данный оборот применял Лев Николаевич в романе-эпопее «Война и мир».

Следующим по мере использования можно выделить фразеологизм *золотой век*, характерный для произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Л. Н. Толстого. Далее, по частотности следуют: *гордиев узел, объятия Морфея и жрецы Фемиды*. Более того, анализ показал, что подавляющее большинство используемых в произведениях фразеологических оборотов обладают отрицательной коннотацией, и фразеологические единицы с нейтральным или положительным значением в художественной литературе XIX столетия чаще применяются для описания отрицательных событий и действий.

Выделенные фразеологизмы в художественной речи в некоторых случаях под влиянием индивидуально-художественной трансформации автора становятся контекстными фразеологическими неологизмами, то есть расширяют свой компонентный состав и/или приобретают новые оттенки значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блудилина О. Л. Фразеология романа Т. Н. Толстой «Кысь» / О. Л. Блудилина // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. — 2018. — №6(23). — С. 15-18. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36534882_59192330.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. — 312 с.
3. Лыков А. В. Трансформации узуальных фразеологизмов с числовыми компонентами в произведениях А. П. Чехова / А. В. Лыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2008. — №7(31). — С. 99–102. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_11903193_27053201.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
4. Рогачева Т. Г. Функционирование фразеологических единиц в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. П. Чехова / Т. Г. Рогачева // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. — 2022. — №5(46). — С. 80–83. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49543519_11908547.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
5. Самситова Р. И. История изучения фразеологизмов в языкознании // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. — 2019. — №4(52). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-frazeologizmov-v-yazykoznanii> (дата обращения: 20.11.2023).
6. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» В 3 ч. 4.1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1987. — 192 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов : (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2007. — 334, [2] с.
8. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 832 с.
9. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / сост. В. В. Серов. — М.: Локид-Пресс, 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2020/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 20.11.2023).

Поступила в редакцию 26.03.2024 г.

E. V. Lavrikova

THE FUNCTIONING OF GREEK MYTHOLOGISMS-IDIOMS IN THE FICTION OF THE NINETEENTH CENTURY

The article considers Greek mythologisms-idioms in the works of fiction of the XIX century, namely A.P. Chekhov, L.N. Tolstoy and M.E. Saltykov-Shchedrin. The authors trace the frequency of use of the phraseological unit «panic fear» and phraseological phrases with negative connotation. The cases of contextual increments of stable units and their acquisition of new shades of meanings are described.

Key words: *phraseology, phraseological unity, Greek mythologism-idiom, fiction of the XIX century, panic fear.*

Лаврикова Екатерина Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.

Студент.

E-mail: lavrikova.ekaterina2002@mail.ru

Lavrikova Ekaterina Vladimirovna

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.

Student.

E-mail: lavrikova.ekaterina2002@mail.ru

Шацкая Марина Фёдоровна

Доктор филологических наук.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.

Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.

E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Shatskaya Marina Fedorovna

Doctor of Philological Sciences.

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, RF.

Professor of the Department of Russian language and methods of its teaching.

E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

УДК 82.0

*И. В. Логвинова © 2024**Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке»***ПОВЕСТИ М. П. ПОГОДИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПРИНЦИПА ИСТОРИЗМА**

В статье рассматриваются повести М. П. Погодина с точки зрения принципа историзма. Исследователи часто анализируют эти произведения как бытовые. Если анализировать их с точки зрения принципа историзма, то обнаруживается, что они гораздо более многомерны и их особенности не исчерпываются характеристикой русского быта. Верность принципу историзма придает повестям Погодина реалистичности.

Ключевые слова: *принцип историзма, натуральная школа, русская литература XIX века, М. П. Погодин, повесть.*

Принцип историзма играет ключевую роль в повестях М. П. Погодина, подчеркивая реалистичность изображаемых лиц и событий. Мы уже писали о принципе историзма и рассматривали одну из повестей М. П. Погодина в свете ономастики [1; 2; 3; 4] и при этом выявили скрытый пласт смыслов. В данной статье обоснуем значение принципа историзма при анализе повестей М. П. Погодина «Нищий», «Петрусь», «Суженый», «Сокольницкий сад» и др.

Обычно исследователи относят их к бытовым повестям. П. М. Виротайнен пишет, что проблематика повестей Погодина «оказалась в высшей степени не случайной для русской культуры: на новых этапах истории она обнаружится в творчестве Гоголя, Тургенева, Островского, Лескова, Достоевского» [5, с. 18]. Это не просто повести, изображающие картины быта разных сословий, но и психологические очерки. Таким образом, писатель оказывается предтечей натуральной школы, которую современники, вслед за В. Г. Белинским, назвали гоголевской. Его внимание к быту, по словам П. М. Виротайнен, делает важной проблему среды и воспитания [5, с. 9]. В том, что быт описан у Погодина очень точно и подробно, мы видим следование принципу историзма. Так, в каждой из повестей уделяется много внимания бытовым деталям, которые рисуют обстановку, в которой происходит действие. По этим деталям можно судить о том, какая изображена эпоха (исторический контекст).

В каждой повести воспроизводится особенность речи персонажей. В повестях «Русая коса», «Сокольницкий сад», «Адель», «Васильев вечер» мы встречаемся с молодыми людьми из дворян. В «Как аукнется, так и откликнется» — с людьми благородными «по рождению», но простыми «по уму» [5, с. 29]. В «Нищем» и «Психологических явлениях» — с народной речью, пересыпанной поговорками. В «Дьячке-колдуне», «Преступнице», «Васильеве вечере» — с народной речью XVIII века. В «Петрусе» воспроизводится речь жителей Полтавы, малороссийский диалект. В «Невесте на ярмарке», «Черной немочи», «Суженом» — речь купеческого и мещанского сословий. Причем, речь изображена так, чтобы читатель угадал характерные особенности ее у разных сословий. В том числе писатель вкладывает в уста своих героев многочисленные пословицы и поговорки, по которым также можно судить о том, из какой местности или сословия происходит человек.

Например, убедительно выглядит речь полтавчан («Петрусь»). При описании дочери казака Скоробрешенко Погодин использует диалектизмы, свойственные южнорусскому говору жителей Полтавы: «эта дивчина во всем околотке славилась своими достоинствами: *разумная*, до всякого дела *дотепная*, *трудолюбивая*, почтительная, и

при том чернобровая, черноглазая, белая, румяная» [5, с. 117]. Прописаны детально элементы южнорусской одежды: плахта, запаска (платки, из которых состояла юбка), сорочка, вышитая заполючю (цветными нитками), на шее дукаты, намысты (бусы). Нужно сказать, что повесть написана по мотивам комической оперы И. П. Котляревского «Наталка-Полтавка» (1819). В примечаниях к повести П. М. Виролайнен пишет, что в ней «отразились и реальные впечатления Погодина; в 1829 г. совместно с М. С. Щепкиным он совершил путешествие по Украине, побывав в Ромнах, Диканьке, Полтаве (где познакомился с Котляревским), Харькове» [5, с. 413]. При этом пьеса Котляревского была первым произведением, наиболее реалистично изображающим жизнь малороссийского села. Даже обозначена улица, на которой жил отец Наталки: «Кто был в Полтаве, тот верно помнит Александровскую улицу, от памятника к собору, усаженную высокими подбористыми тополями, которые в летнюю месячную ночь, тихо колеблемые ветром, дают от себя такую очаровательную тень. Здесь на углу, близ горы Понянки, по которой недавно еще, до положения новой дороги, мучаясь, взбирались приезжие из разных верхних городов, жил несколько лет тому назад зажиточный казак Скоробрешенко» [5, с. 117]. Этим точным описанием места автор дает понять, что сюжет Котляревского был только отправной точкой, а рассказывать он будет о реальных людях, которые жили на этой улице, в этом доме и говорили на южнорусском диалекте.

Погодин, таким образом, несколько изменил сюжет и добавил этнографическое описание (закальвали «порося», резали «индича или баранца», вышивали «хустки», носили «снидание» (обед): «в плетеном кошике горячий борщ с салом, бараниною и куркою, пампушки с олею и луком, корши с маком и медом» [5, с. 118], гуляли на Решетиловке или Опочке). У Котляревского Наталка сирота и живет с матерью, соглашается выйти замуж за богатого, хотя любит бедного Петра, и богатый уступает, а в повести Погодина она живет с отцом, в их семье вырос бедный Петрусь, который посватался за Наталку, но отец жестоко ему отказал, обзвав последними словами, сказал, что не отдаст свою дочь за «чорт, батька, зна кого, що ни роду ни племени, як бурлака, або як голодряпец!» [5, с. 119]. Петрусь в сердцах убежал из дома, пошел к знакомому купцу в Кременчуг, заработал большие деньги, будучи в приказчиках, и через пять лет вернулся, но Наталка была уже замужем и с ребенком, а отец ее умер. Сюжет погодинской повести выглядит реалистичнее и логичнее: «Петрусь надеется, что все застанет на прежнем месте, в прежнем виде; несчастный! он позабыл, что пять лет его не было, он не думает, что в такое долгое время много воды может утечь...» [5, с. 120]. Погодин рисует образ праведника, который, увидев, что случилось (муж Наталки в тюрьме, дом продан за долги), послал через священника деньги и скрылся из Полтавы.

Это не единственный образ праведника и сильного духом человека у писателя. И едва ли не один из первых таких образов в русской литературе. Повесть написана в 1831 году. Для сравнения, «Живые мощи» И. С. Тургенева написаны в 1873 году, цикл «Праведники» Н. С. Лескова — в 1889 году. Образ праведника Погодин выводит также в повести «Нищий» (1826). Здесь мы встречаемся со стариком, невесту которого когда-то забрал себе барин. Он пытался этого барина зарезать, но не сумел, и попал в солдаты, участвовал во многих сражениях, воевал вместе с Суворовым. Он рассказывает автору свою историю, стоя на паперти. В описании этого персонажа также проявляется принцип историзма: Погодин подробно пишет о том, где и когда его встретил и как слово за слово состоялся у них разговор: «Вы знаете, друзья мои, старинную любимую мою привычку шататься в народе, присматриваться к лицам и образам добрых соотечественников и прислушиваться к речам их и поговоркам... <...> Часто проходил я Покровкою. На углу, подле церкви Воскресения в Барашах, встречался я всегда с нищим, который с первого взгляда привлек мое внимание...» [5, с. 39]. Имеется в виду сохранившаяся церковь

Воскресения Словущего в Барашах, на улице Покровка, построенная в стиле барокко в XVIII в. Около этой церкви автор встречал одного и того же нищего: «Мой нищий был росту среднего; волосы черные, с частою проседью, покрывали его голову; из-под густых навислых бровей видны были глаза, когда-то яркие; покрытый морщинами лоб, бледное лицо со впалыми щеками доказывали ясно, что сей труженик приближается наконец к концу своего земного странствования, которое было нелегко для него» [5, с. 39]. Психологический портрет нищего дополняется описанием его одежды и манеры держаться: «Одежда его состояла в смуром армяке, из-под которого видны были лоскуты нагольного тулупа, в шапке, когда-то плисовой, теперь вытертой, бесцветной, с меховым околышем, которую держал он под мышкою, наконец в сапогах с кое-где прорванными голенищами и толстой веревке, коею был подпоясан. Он стоял прислонясь спиною к углу и опираясь на суковатую палку. Физиогномия его никогда не изменялась, никого из проходящих не просил он о подаении ему милостыни, никого не сопровождал молящими глазами. Это придавало ему вид какого-то благородства: казалось, он стоял на своем месте» [5, с. 39-40]. И у этого благородного нищего автор спрашивает, что его привело на паперть.

История нищего оказывается очень интересной, достойной изображения. Крестьянин Орловской губернии полюбил дочь старосты Алексашу, посватался к ней и уже они готовились к свадьбе, как приехал барин и остановился в доме старосты. Из-за его приезда свадьбу отложили. Алексаша понравилась барину, он увез ее с собой. Описывая крестьянские свадебные обычаи, Погодин руководствуется принципом историзма, четко прописывая детали сватовства, характерные именно для описываемой местности: «Батюшка достроивал мне новую избу. Съездили мы в поезд к невесте с друзьями, с дядками и поддядками. Алексаша, по нашему обычаю, сидела в своей избе, накрытая длинным полотенцем, в кругу своих подруг, которые пели величальные песни, сидела наклонившись и никуда не глядела. Подле нее посадили лучшую красавицу из нашей деревни. — И вспоминать мне это весело! Как скоро я вошел в избу, ко мне подвели их обеих и велели узнавать невесту. — Я узнал ее, и дружка заставил нас поцеловаться, невестины родители благословили нас. — Тут начали дариться, и велели нам сесть за девичий стол, а поезжие сели за большой стол. Батюшка и матушка угощали их своим привезенным вином и хлебом. Когда первой стол был кончен, тогда невестины отец и мать посадили нареченного зятя за большой стол со всем поездом и начали угощать их уже своими припасами» [5, с. 42-43]. Как известно, Погодин собирал предметы старины, любил слушать разные рассказы, ездить по России, поэтому бытовые описания у него не случайны, привязаны к конкретной местности. Тем более, что он, как ученый, все сведения систематизировал. Интересно описание того, как главный герой попал в солдаты после своего неудачного покушения на барина: «После чрез сколько-то времени отдали меня в солдаты. Я был в каком-то забытии, не чувствовал, не думал ничего. На другой год полк наш выступил в поход — мы шли мимо народов иноплеменных, на нас не похожих, чрез многие страны чужие... <...> Всегда дрался я как отчаянный и заслужил похвалу от начальников. Меня представили Суворову как отличного солдата... <...> После был я под туркою, под шведом, а наконец в Грузии. Выслужив двадцать пять лет, получил отставку и пошел на родину, но не дошел — верст за сорок так стало мне тошно, тяжело, так возобновилось в памяти все бывшее, прошедшее, что я не мог идти далее, воротился и в ближайшем городе принял к попу в батраки, работал лет пять, пока во мне были силы, но я выбился из сил, и есть мне было нечего. Руки поднять я на себя не мог: мне натолковали сызмальства, какой это страшный грех, — к тому же я ослабел и телом и духом. Я решился идти в Москву и питаться милостынею. На святой Руси с голоду не умирают, говорит пословица» [5, с. 45]. То, что герой пережил все испытания и не ропщет на судьбу, говорит о его большой

силе воли. К тому же этот герой — смиренный человек. Он рассказывает автору о том, как добился этого смирения: «... бывало, когда какой-нибудь щеголь пройдет мимо меня и грубым голосом на смиренную мою молитву скажет: “Бог даст”, — тогда я чувствовал новую болезнь, как будто оставалось еще в моем сердце здоровое местечко, которое только сим постылым отказом уязвлялось. — После и от того мне уже не было больно, напротив — мне казалось, что я становился богаче, когда кто-нибудь не подавал мне ничего, и беднее, когда я получал милостыню. Теперь же все равно» [5, с. 46]. Автор восхищается своим героем, что видно из того, как он описывает его и обращается к нему, приглашает его к себе на ужин и за трапезой выслушивает его историю жизни, оставляет у себя на ночь.

В повести «Сокольницкий сад» принцип историзма проявляется в документальности — приводятся письма двух друзей и подруг, судьбы которых чудесным образом переплелись. В письмах даже указаны даты — это май 1825 года. Действие происходит в Москве. Герой попадает в дивный сад в Сокольниках и знакомится с Луизой и ее дядей. Он переписывается со своим другом Всеволодом, противником женщин, а Луиза — со своей подругой Катей. Оказывается, что Всеволод знакомится с Катей. Составляются две пары: «Женись на Луизе. Я случайно узнал много подробностей в ее пользу (она подруга моей новой знакомки), читал многие ее письма и признаюсь, они мне очень понравились: ясны, правильны, умны. Нигде не страдает ни грамматика, ни логика; есть даже ученые термины. Долго думал я вообще о браке. Правду сказать: почему и не так? ведь и Шлецер, и Гердер, и Герен были женаты. Можно работать и при жене» [5, с. 70-71]. По-видимому, автору так понравилась эта необычная история, что он пишет послесловие к ней, поскольку переписка, полученная «от приятеля», обрывается на письме, в котором главный герой объявляет своему другу, что сделал предложение Луизе.

В повестях «Васильев вечер» и «Суженый» описывается гадание. Если в повести «Васильев вечер» во время гадания на главную героиню нападают разбойники, которых она убивает топором и одному отрубает руку, а потом с нею происходит невероятное приключение со счастливым концом, то в повести «Суженый» гадание — мистификация, подстроенная женихом, который однажды в церкви увидел девушку своей мечты и долго не мог найти к ней подхода.

Нужно отметить, что в повести «Суженый» большое авторское предисловие с подробным описанием жизни главного героя, Ивана Гостинцева, сироты, из мещан, живших в Суцовой. Такое подробное описание среды, одежды, воспитания молодого человека у жестяника, его крестного, как нам кажется, предвосхищает физиологический очерк 1840-х годов. Подробно рассказывается о том, как Ваня развивал свои таланты, зазывая покупателей в лавку жестяника, пел на клиросе, забавлял друзей на пирушках передразниванием старых приказчиков, пересказывал политические новости из «Московских ведомостей» и «Сына Отечества». И вот однажды, войдя в храм Николы в Хлыново, увидел девушку и влюбился в нее. Стал искать возможности познакомиться и выяснил, что это Дуня, дочь купца Чужого. Он познакомился с ее няней и узнал, что перед Рождеством она собирается гадать в бане: «Он стал ходить всякое воскресенье в Хлыново и всякий раз здоровывался, разговаривал с нянею; потом подослал старушку, будто бы тетку свою, для знакомства с нею, чтоб иметь случай угощать их вместе и выведывать разные домашние подробности» [5, с. 188]. Иван узнал, что к Дуне сватается богатый вдовец с детьми и что вечером будут гадания. Причем, автор показывает, что гадания старшие молодежи запрещают, но молодежь не очень их слушает: «Другие девушки, вопреки запрещению старух, лили в воду олово, свинец, воск; прочие играли в фанты» [5, с. 193]. Дуня верила всяким предсказателям с детства. При этом ходила в храм и там горячо молилась. Погодин описывает ее гадание в бане, про которое узнал Иван и

пришел туда, чтобы не упустить свое счастье: «Там перед окошком в предбаннике, против двери, дрожа от страха и вместо молитвы произносил шепотом, по наставлению старухи, какие-то чародейные, непонятные для нее самой слова, от которых у ней волосы становились дыбом, зажгла она лучину, придвинула стол углом к стене, накрыла чистою скатертью наизнанку, поставила, крест-накрест ножами два прибора и три кушанья странным образом изготовленные: пирог, посыпанный золою, с икрою и петушиными гребешками, щи на хлебном вине из горьких кореньев, с рыбою, кашу из гусиных печенок с уксусом и деревянным маслом, - обошла вокруг стола три раза, нашептывая те же слова... потом поставила зеркало в углу между приборами... села перед ним... и громким голосом... расстановисто... произнесла ужасные слова: суженый, ряженный, приди со мной ужинать!» [5, с. 194-195]. Описание гадания — историзм. Оно иллюстрирует нравы купеческой среды. В то же время это гадание отличается от изображенного в «Васильеве вечер». Там гадание было прервано вторжением разбойников и выглядел весь обряд иначе, героиня гадала самостоятельно. Здесь же героине помогает некая сведущая в гаданиях старуха, а сама она со страхом и замираньем сердца встречает в полночь суженого. С одной стороны, для нее появление суженого — ожидаемый результат гадания, а, с другой стороны, Погодин показывает, что никакие гадания не могут помочь что-то угадать или увидеть, тем более, что церковь их запрещает. Автор показывает, что такое соединение веры и суеверия было характерно для москвичей. Мы видим это, например, и у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине» в образе Татьяны Лариной, которая верила приметам и снам, а потом и у Л. Н. Толстого в «Войне и мире» в сцене гадания Наташи Ростовской. Но если у Пушкина и Толстого героиням в самом деле видятся какие-то мистические сны и призраки, то героини повестей Погодина сталкиваются с более реалистичными переживаниями: с разбойниками, врываются в дом во время гадания, или с реальным суженым, который проник под видом призрака, узнав, что понравившаяся ему девушка будет ночью гадать. Поэтому у Погодина никакой мистики нет, он ее отрицает, объясняя все мистические случаи игрой девичьего воображения. Он был верующим человеком и к гаданиям относился как к пагубному суеверию, осуждая его в авторских отступлениях и в самом сюжете, показывая, как действует в жизни героинь промысел Божий, по их молитвам и в силу их раскаяния. В повести «Васильев вечер» позиция автора по этому вопросу высказана особенно ясно: героиня наказана за обращение к демоническим силам, но прощена и спасена по молитвам. В повести «Суженый» явного наказания за грех гадания нет, но явное чудо обретения жениха по молитвам присутствует, начиная с того, что он случайно, не специально вошел однажды в храм, опоздав на обедню, и увидел молящуюся девушку, а потом, приходя в этот же храм, уже искал ее увидеть: «Девушка стала с матерью на прежнее место и не отводила глаз от образа, пред которым молилась. Она показалась ему еще прекраснее. Он был весь во внимании. Ни одна ямочка, ни одно родимое пятнышко, ни один рубчик на лице ее не укрылись от его пронизательного взора. С какою набожностью она стояла, как усердно молилась! Глаза ее часто наполнялись слезами. Вещие были эти слезы для молодого человека: ему почудилось, что девушка об нем молится Богу, и он сам заплакал, сам с пламенным чувством стал молиться об ней» [5, с. 185]. Поэтому, как по молитвам родителей родилась сама Дуня, как по ее молитвам Бог послал ей суженого, так и простил ей грех гадания, как некую шалость, в которой принял участие в виде призрака ее будущий супруг. Тем более, что через это гадание они и смогли познакомиться и устроить свое счастье. Иван был сиротой, у него не было богатства, как у сватавшегося к Дуне вдовца, не было никаких шансов, а через гадание шансы резко повышались. Погодин объясняет веру в гадания и суеверия тем, что купеческое сословие прежде всего старалось о материальных благах. Дуня не виновата в том, что верит гаданиям, потому что ее

воспитание заключалось в вещественном: «чтоб дочка их была здорова, румяна, толста, весела» [5, с. 191]. Описывая жизнь Дуни до 13-тилетия, Погодин делает акцент на ее неспорченности. Как Иван рос неспорченным ребенком, так и Дуня, и потому выходит, что они не могли не встретиться.

Таким образом, Погодин, описывая героев в обстановке их времени, воссоздавая историческую канву, вводит в свои повести детали быта, характеризующие эпоху. Он прописывает их чуть не до мелочей, обнаруживая свою осведомленность как историка. Это отражение принципа историзма. Всякая историческая деталь должна находиться на своем месте и служить реалистичности описания. Повести Погодина нельзя назвать только бытовыми. В каждой из них есть психологический сюжет и авторская мораль. Это повести о любви, о взаимоотношениях детей и родителей, о духовном и нравственном смысле поступков и желаний героев, которые оказываются в разных жизненных ситуациях и находят из них выход в силу своих моральных и нравственных качеств. Тут встречаются и сильные, и слабые характеры, и праведники, и преступники, и хитрецы, и простецы, и люди тонкой душевной организации. Поэтому повести Погодина можно назвать психологическими. В различных обстоятельствах раскрываются характеры и психология персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логвинова И. В. Историческое и художественное в драме М. П. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» // В сборнике: Синтез в русской и мировой художественной культуре. материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Алексея Федоровича Лосева. Москва, 2022. С. 20–24.
2. Логвинова И. В. М. П. Погодин об историческом методе: к постановке проблемы // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху. Сборник научных трудов. — М., 2022. — С. 296-299.
3. Логвинова И. В. Повесть М. П. Погодина «Адель» в свете ономастики // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2022. № 3. С. 46–49.
4. Логвинова И. В., Николоюкин А. Н. Истоки сравнительно-исторической модели в русском литературоведении (М. П. Погодин, С. П. Шевырëв) // Литературоведческий журнал. 2022. № 4 (58). С. 113–132.
5. Погодин М. П. Повести. Драма / Сост., вступ.ст. и примеч. П. М. Виролайнен. — М.: Советская Россия, 1984. — 432 с.

Поступила в редакцию 25.02.2024 г.

I. V. Logvinova

THE M. P. POGODIN'S NOVELLS FROM THE PRINCIPLE OF HISTORICISM POINT OF VIEW

The article examines the novells of M. P. Pogodin from the point of view of the principle of historicism. Researchers often analyze these works as everyday. If we analyze them from the point of view of the principle of historicism, it turns out that they are much more multidimensional and their features are not limited to the characteristics of Russian life. Fidelity to the principle of historicism makes Pogodin's stories realistic.

Key words: *the principle of historicism, natural school, Russian literature of the XIX century, M. P. Pogodin, novella.*

Логвинова Ирина Владимировна.

Кандидат филологических наук.
Московский государственный институт музыки
им. А.Г. Шнитке, г. Москва, РФ.
Доцент кафедры философии, истории, теории
культуры и искусств.
E-mail: Lo-grina@yandex.ru

Logvinova Irina Vladimirovna.

Candidate of Philological.
Moscow State Institute of music named after
A. G. Schnittke, Moscow, RF.
Associate Professor of the Department of Philosophy,
History, Theory of Culture and Arts.
E-mail: Lo-grina@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генеристика;
- Словообразование и грамматика;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru).

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Postgraduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452)., на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;

- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*);
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. *Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)*;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:
Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные

работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 — теория языка / Комаров Георгий Владимирович — Краснодар, 2007. — 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю)

на английском языке;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизированных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

Плата за публикацию статей с авторов не взимается

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

16. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
17.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

М. А. Капиносова

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepistems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of

formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2024. — № 1 (23)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй